

СЕРИЯ «БИБЛИОТЕЧКА СУДЕБНОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА»

Н. С. Бондарь

**РОССИЙСКОЕ
ЮРИДИЧЕСКОЕ
ОБРАЗОВАНИЕ
КАК КОНСТИТУЦИОННАЯ
ЦЕННОСТЬ:**

**национальные традиции
и космополитические иллюзии**

*Russian Legal Education as a Constitutional Value:
National Traditions and Cosmopolitan Illusions*

Издательство «Юрист»

Москва – 2014

УДК 84.342
ББК 67.400 (405)
Б81

Р е ц е н з е н т - академик РАН, д. ю. н., проф. Ю.К. Толстой

Б81 Бондарь Н.С. Российское юридическое образование как конституционная ценность: национальные традиции и космополитические иллюзии. Серия «Библиотечка судебного конституционализма». Вып. 3. 2-е изд., доп. — М.: Изд-во «Юрист». 2014. 72 с.

Bondar N.S. Russian Legal Education as a Constitutional Value: National Traditions and Cosmopolitan Illusions. "Judicial Constitutionalism Library" Series. Issue 3. Moscow: Publishing Group «Jurist». 2014. 72 pages.

ISBN 978-5-94103-401-7

УДК 84.342
ББК 67.400 (405)

На основе понимания юридического образования как конституционной ценности анализируется нынешнее состояние юридического образования сквозь призму конституционной безопасности государства, общества, личности; исследуется соотношение национальных и наднациональных (космополитических) начал в связи с включением юридического образования в Болонский процесс и внедрением двухуровневой системы юридического образования («бакалавриат-магистратура»), оценивается изменение философско-мировоззренческих начал отечественного юридического образования и обосновывается необходимость выработки национальной концепции подготовки юридических кадров.

Адресована широкому кругу читателей, интересующихся проблемами юридического образования и в контексте развития российского конституционализма, формирования правовой государственности, повышения правовой культуры российского общества.

.....

Based on the concept of legal education as a constitutional value, the author analyses the present-day state of legal education with a glance to the constitutional safety of the nation, society, personality; investigated is the correlation between the national and supernational (cosmopolitan) principles with the legal education inclusion in the Bologna process and introduction of a 2-level system in legal education ("Bachelor's program-Master's program"); assessed is the alteration of the philosophical and ideological principles in Russian legal education; substantiated is a must to work out a national concept in training men of law.

The issue will excite the interest of high readership concerned with the problems of legal education within the context of the developing Russian constitutionalism and legal statehood, growing legal culture of the Russian society.

ISBN 978-5-94103-401-7

© Бондарь Н. С., 2013
© Издательство «Юрист», 2013

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
<i>PREFACE</i>	
1. ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК КОНСТИТУЦИОННАЯ ЦЕННОСТЬ: СОЧЕТАНИЕ ПУБЛИЧНЫХ И ЛИЧНОСТНЫХ НАЧАЛ	14
<i>1. LEGAL EDUCATION AS A CONSTITUTIONAL VALUE: COMBINATION OF PUBLIC AND PERSONAL PRINCIPLES</i>	
2. ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАДЛЕЖАЩЕГО УРОВНЯ ПОДГОТОВКИ ЮРИДИЧЕСКИХ КАДРОВ — ПРОБЛЕМА КОНСТИТУЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	23
<i>2. PROVISION OF AN ADEQUATE LEVEL IN TRAINING MEN OF LAW: A PROBLEM OF CONSTITUTIONAL SAFETY</i>	
2.1. Рыночно-образовательный парадокс: количественный рост юридических вузов — путь к падению качества юридического образования.	24
<i>2.1. A market-and-education paradox: proliferation of the number of law schools as a way towards degradation in legal training</i>	
2.2. Когда телега ставится впереди лошади: иллюзии интеграции России в европейское образовательное пространство	28
<i>2.2. Where the wagon is placed in front of the horse: illusions of Russia's integration in the educational space of Europe</i>	

3. НАЦИОНАЛЬНОЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ПРОКРУСТОВОМ ЛОЖЕ БОЛОНСКОГО ПРОЦЕССА . . .	32
3. NATIONAL LEGAL EDUCATION AND THE PROCRUSTEAN BED OF THE BOLOGNA PROCESS	
3.1. «Бакалавриат-магистратура» — путь к снижению уровня национального юридического образования	33
3.1. <i>“Bachelor’s program-Master’s program” as a way to reduction of the level the national legal education</i>	
3.2. Оправдан ли пересмотр философско- мировоззренческих основ национальной системы юридического образования?	37
3.2. <i>Is it correct to revise the philosophical and ideological principles in the national legal education system?</i>	
4. ИННОВАЦИОННОМУ РАЗВИТИЮ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ – КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОРИЕНТИРЫ . . .	41
4. INNOVATIONAL DEVELOPMENT OF LEGAL EDUCATION SHOULD HAVE ITS OWN CONSTITUTIONAL LANDMARKS	
4.1. Какой должна быть современная модель юриста?	41
4.1. <i>What should the present-day lawyer’s pattern be?</i>	
4.2. Правовая компаративистика: ее значение для интеграции юридического образования в международное образовательное пространство	47
4.2. <i>Legal comparativistics: its significance for the integration of judicial education in the world educational space</i>	
4.3. Правовая глобализация как фактор реформирования юридического образования	57
4.3. <i>Legal globalization as a factor of legal education reforming</i>	
ОБСУЖДЕНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ...	63
DISCUSSION CONTINUES...	
Приемлема ли в России Болонская система?	64
<i>Would it be acceptable to Russia Bologna process?</i>	

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящее издание продолжает серию публикаций, объединенных единым наименованием — «*Библиотечка судебного конституционализма*».

Первые выпуски данной серии были посвящены методологическим, в своей основе, аспектам исследования российского судебного конституционализма¹. Предлагаемый выпуск (третий) имеет свои особенности и, на первый взгляд, не вполне вписывается в концепцию проекта, главной целью которого является развитие, углубление и конкретизация концепции судебного конституционализма, которая получила обоснование в авторской монографии («Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия». М.: Норма, 2011) и других публикациях.

Важно, однако, учитывать комплексный, во многом всеобъемлющий характер предложенной концепции судебного конституционализма как относительно самостоятельного научного направления, предметом познания которого является политико-правовой режим обеспечения (включая судебные средства) верховенства права и прямого действия Конституции, безусловного гарантирования всех конституционных ценностей общества, государства, личности, важное место среди которых занимает в том числе и юридическое образование.

---

¹ См.: Бондарь Н.С. Российский судебный конституционализм: введение в методологию исследования. Вып. 1. М.: Формула права, 2012; Бондарь Н.С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике российского конституционализма. Вып. 2. М.: Юрист, 2013.

В этом плане тема предлагаемого издания является как бы естественным продолжением и развитием предыдущего выпуска, посвященного общим проблемам конституционной аксиологии, конституционным ценностям в системе российского конституционализма и нормоконтрольной конституционно-судебной деятельности. При этом важно учитывать, что юридическое образование играет особую роль в утверждении всей системы основополагающих (конституционных по своему значению) ценностей современного демократического правового государства. Без высокопрофессиональных юридических кадров невозможно представить эффективную защиту прав и свобод граждан, равно как и успешно функционирующий в строгом соответствии с требованиями закона и верховенства права государственный аппарат, эффективно развивающаяся на основе равной защиты всех форм собственности, свободы предпринимательства рыночную экономику и т.д.

Очевидно, что модернизация российской государственности, судебная, правоохранительная, административная, муниципальная реформы, качественное обновление системы законодательства, борьба с коррупцией, как и другие направления обновления правовой жизни, нуждаются в существенном улучшении кадрового состава судебных, правоохранительных органов, государственных и муниципальных служащих, в существенном повышении уровня как массовой, так и профессиональной правовой культуры. В этом плане весьма точной и емкой является выведенная профессором В.Д. Зорькиным, своего рода, формула правовых преобразований России: «*Основа и начало правовых преобразований — это реформа юридического образования*», — отмечает он.¹

В основе такого подхода лежит, прежде всего, осознание и объективная оценка принципиально новой роли права в современном обществе и глобализационном мире. Сегодня

---

¹ Зорькин В.Д. Конституционно-правовое развитие России. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. С. 581.

право — не просто некая совокупность (система) установленных государством общеобязательных правил поведения, о чем будущим юристам становится известно из курса теории государства и права, преподаваемого уже на первом году обучения на юридических факультетах. Но сегодняшних юристов ни в одном университете страны не готовили (и до недавнего времени не могли готовить!) к тому, что в нынешних условиях право — это мощный инструмент инновационного и безопасного развития демократического общества, средство приобщения национального социума в систему глобального мира.

Неудивительно и то, что за последние 2–3 десятилетия юридическая сфера деятельности и профессия юриста изменились коренным образом. Если ранее в основе не только обыденных представлений, но и государственной политики подготовки юридических кадров лежали правоохранительные, в своей основе, начала профессии юриста (и это была некая независимая от бизнеса, а в идеале — и от власти, профессия), то сегодня имеет место проникновение юридической профессиональной деятельности (вслед за правом и его юридическими нормами) во все сферы жизни — государственной, экономической, политической, социальной, частно-семейной и т. д. Профессия юриста ассоциируется теперь с охраной важнейших, конституционно значимых ценностей общества, государства, личности и одновременно — само юридическое образование приобретает значение конституционной ценности. Одновременно происходит резкий количественный рост индустрии юридических услуг. Например, в США около двух процентов занятых в сфере экономики составляют те, кто оказывает юридические услуги, т.е. юристы! Примерно такой же удельный вес (около двух процентов) занимает доля юридических услуг и в ВВП США.¹

---

¹ Выступление Президента Международной ассоциации юристов Акиры Кавамурэ на II Петербургском Международном Юридическом форуме (Санкт-Петербург, 16–19 мая 2012 г.) // <http://media.spblegalforum.ru>.

Свидетельством конституционного значения профессиональной юридической деятельности является и то обстоятельство, что надлежащий уровень правового обеспечения, эффективное осуществление различных форм юрисдикционной деятельности, включая конституционно-контрольную, является сегодня залогом успешного финансово-экономического, социального, а во многом — и стабильного политического развития общества и государства. В этом же русле следует оценивать и правовую глобализацию, усиливающееся взаимодействие современных правовых систем и национальных юрисдикций, в том числе в их соотношении с наднациональными юрисдикционными институтами.

Отмечая эти и другие обстоятельства, связанные с активно развивающимися современными процессами углубления юридизации национальной жизни и международной правовой глобализации, нельзя забывать, что право, законодательство и, соответственно, профессия юриста — явления глубоко национальные, и по самой своей природе они достаточно консервативны. Естественной средой и надежной основой правового прогресса общества и успешного развития системы юридического образования, совершенствования подготовки юридических кадров является правовая культура, национальные правовые, социокультурные традиции, нравственно-этические, правовые ценности данного общества и государства. И, напротив, разрыв между системой подготовки юридических кадров и национальной правовой культурой, историческими традициями в области образования — причина многих сегодняшних проблем в системе юридического образования, равно как и деформаций нравственно-этических начал юридической профессии¹. Особенно важно это учитывать в условиях недостаточно зре-

---

¹ См.: Синюков В.Н. Юридическое образование в контексте российской правовой культуры // Журнал российского права. 2009. № 7.

лых рыночных отношений, коррупции, когда юридический цинизм порой берет верх над правовым профессионализмом и власть закона уступает силе капитала.

В этом плане реформирование юридического образования, в том числе с учетом зарубежного опыта и вступления России в Болонский процесс, развития правоглобализационных процессов, с одной стороны, и бережное отношение к национальным традициям в области подготовки юридических кадров, восстановление во многом утраченных в последние два десятилетия нравственно-этических, моральных основ профессиональной юридической деятельности, с другой — является важнейшей проблемой современного конституционно-правового развития России, условием совершенствования всей системы российского конституционализма.

Авторская цель — привлечь внимание к нынешнему состоянию юридического образования как проблеме конституционной безопасности государства, общества, личности. Думается, в такой постановке вопроса нет никакого преувеличения, впрочем, как и излишнего пессимизма, имея в виду наши богатые традиции, кадровые, материально-финансовые и иные возможности, равно как и глубокое осознание, в том числе на государственном уровне, необходимости решения соответствующих задач.

Моральное право высказаться по вопросам юридического образования как проблеме конституционного развития современной России автор видит, прежде всего, в причастности к данной сфере профессиональной деятельности как в прошлом (на протяжении трех десятков лет работы в Ростовском государственном университете до назначения судьей Конституционного Суда РФ), так и в настоящее время, когда основная деятельность судьи сочетается с университетской научно-образовательной работой.

В этом плане, возможно, неожиданным покажется авторское желание (а в чем-то — несбыточная мечта), чтобы главными Читателями издания стали не чиновники от научно-образовательной сферы (которых, не думаю, что есть основания обвинять в ошибках реформирования юридического образования — к сожалению, это больше, чем ошибки), а те, кто реально (не по должности!) озабочен судьбами юридического образования, кто не понаслышке знает «рецепт» подготовки высококвалифицированных специалистов в области юриспруденции, несет эти знания молодому поколению юристов новой России.

Невольно вспоминаются в связи с этим удивительно современные мысли, высказанные в далеком 1881 году одним из выдающихся юристов дореволюционной (царской) России Б.Н. Чичериным, которые он изложил в лаконичном «*Посвящении русскому юношеству*» — предисловии к одному из главных своих научных произведений¹. Врачевание страшного нравственного недуга, потрясшего русскую землю, является, по мысли Б.Н. Чичерина, тем главным, к чему должно готовить себя русское юношество, пожелавшее посвятить свою жизнь служению закону. Но излечить нравственную болезнь можно, только понявши, откуда она происходит. В чем кроется ее источник? «Он лежит в извращенных понятиях, из которых рождаются извращенные идеалы. Задача науки — рассеять этот мрак, и она одна в состоянии это сделать. ... Многие указывают вам на передовые идеи, составляющие будто бы задачу будущего, последнее слово науки. Юношество всегда падко на новое слово; оно считает себя носителем будущего. Но где ручательство, что это новое слово есть истина? В погоне за новизною легко принять за высокую идею обманчивый призрак и за последнее слово науки одностороннее увлечение

---

¹ См.: Чичерин Б.Н. Собственность и государство. Составитель, автор вступит. статьи и комментариев А.Н. Нарезный. М.: Российская политическая энциклопедия. 2010. С.37–42.

легкомыслия. *История учит нас, что нередко то, что вчера возвеличивалось до небес, сегодня отвергается с презрением, а завтра, может быть, опять получит власть над умами* (выделено мною. — Н.Б.)...

Те, которые не поддаются всякому дуновению ветра и зарево пожара не принимают за сияние солнца, знают, что так называемое ныне новое слово ничто иное как старый бред, который приобрел только новую силу, потому что попал в более взволнованную и менее просвещенную среду. Переменчивые направления общества не могут служить мерилom истины; в них временное перемешивается с постоянным, и внушения страстей слишком часто заступают место трезвого взгляда... Чтобы отличить истину от лжи и прочное от преходящего, надобно в себе самом носить мерило истины. Оно должно стоять выше борьбы страстей и односторонних увлечений, озаряя ровным светом всякое жизненное явление и тем давая нам возможность уразуметь его смысл... Погоню же за новейшим и передовым словом следует предоставить ветреным поклонникам моды, вечно приноравливающим свои мнения к общему потоку»¹.

Как уберечься от этого? Ответ Бориса Николаевича Чичерина определенный. Это, прежде всего, его страстный призыв: *«Обратитесь к своему народу, берите у него уроки, проникнитесь его идеалами!* (выделено мною. — Н.Б.)... уважение к своему народу, к его преданиям и привязанностям, бесспорно, высокое и святое чувство. Оно бесконечно выше легкомысленной погони за новизною. Каждый гражданин не иначе как с трепетом должен касаться народной святыни; посягать на нее есть преступление против отечества». ... «Станем познавать себя и свой народ» — таково «первое требование разумной человечности», по мнению Б.Н. Чичерина².

---

¹ Чичерин Б.Н. Указ. соч. С 37–38.

² Там же. С. 39.

Наряду с этим, актуальное не только для своих современников предупреждение Б.Н. Чичерина *«неотъемлемо присущее человеку стремление, — стремление к свободе (выделено мною — Н.Б.)*. Как носитель абсолютного, человек сам себе начало, сам — абсолютный источник своих действий... История живыми чертами свидетельствует об этом начале, как о неискоренимой потребности человека и высшей цели его исторической деятельности. Отсюда то обаяние, которое имеет свобода для молодых умов. Юношество всегда готово увлекаться ею даже через меру». Но недостаточно постоянно носить имя свободы на устах. «У недостойных ее поклонников, это имя кощунственно обращается в пустой звук, или, что еще хуже, в орудие разрушения... В обществе, где свобода еще не успела окрепнуть, осторожное с нею обращение вдвойне необходимо...

В таком именно положении находится наше отечество. Свобода зародилась у нас со вчерашнего дня; мы все присутствовали при ее появлении в свет. Поэтому у нас, менее, нежели где-либо, позволительно забегать вперед, предъясвлять неумеренные требования, дерзновенною рукою касаться оснований общественной жизни, стремиться все к новым и новым переменам. Для всего есть свое время, и каждый новый шаг должен опираться на предшествующий. Чем громаднее совершившийся на наших глазах переворот, чем быстрее исчезнувший порядок заменился новым, дотоле у нас невиданным, тем более Россия нуждается в спокойствии, чтобы усесться на своих обретенных недавно основах, а потому тем преступнее всякая попытка внести в нее смуту и разлад. Только упорчив приобретенное, можно смело идти к будущему. Такова настоящая наша задача...

Мы знали Россию старую и видим ее обновленную. Мы в состоянии постигнуть тот неизмеримый шаг, который совершен в столь короткое время, и можем, как очевидцы и деяте-

ли, сказать, что не легкомысленными увлечениями и не разрушительными теориями подвигается вперед дело свободы, а созревшей мыслью и самоотверженным служением отечеству, на каком бы поприще мы ни находились»¹.

В заключение представляется важным еще раз обратить внимание, что на достижение указанных Б.Н.Чичериным целей и нравственных идеалов в особой мере ориентирует юридическая профессия, юриспруденция как наука. В полной мере осознаю остро дискуссионный характер поставленных вопросов о нынешнем состоянии национального юридического образования. Остается надеяться, что точка в обсуждении данной темы не поставлена. Насколько же полезными окажутся представленные соображения, не мне судить; во всяком случае, как автор готов отвечать за искреннее, заинтересованное отношение к проблеме, к поиску путей ее решения. А «искреннее слово, обращенное к молодым сердцам, никогда не пропадает даром»².

Санкт-Петербург, январь-февраль 2013 г.

---

¹ Чичерин Б.Н. Указ. Соч. С. 41.

² Там же. С. 42.

1. ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК КОНСТИТУЦИОННАЯ ЦЕННОСТЬ: СОЧЕТАНИЕ ПУБЛИЧНЫХ И ЛИЧНОСТНЫХ НАЧАЛ

Отечественное юридическое образование достаточно длительное время находится в перманентном состоянии реформирования. Для всех очевидна необходимость его обновления, перехода к принципиально новым началам подготовки юристов XXI века, но дискуссии о путях и способах решения соответствующих проблем не утихают; по-прежнему острыми остаются вопросы, связанные с основными направлениями реформирования юридического образования, включая поиск оптимального сочетания зарубежного опыта (выражением которого является в том числе Болонский процесс, двухуровневая система образования и т.п.) с бережным отношением к национальным традициям в области высшего образования, включая подготовку юридических кадров.

Решение этих задач предполагает принятие комплекса взаимосогласованных мер нормативно-правового, управленческого, организационно-технического, кадрового и методического характера, направленных на существенное повышение качества юридического образования в России с тем, чтобы в возможно более короткие сроки обеспечить модернизацию всей системы подготовки высокопрофессиональных, мобильных специалистов в области юриспруденции.

При этом нельзя не учитывать, что наука и образование являются, пожалуй, одной из наиболее консервативных сфер

социальной жизни, что предопределяется особенностями самой природы данной области человеческой жизнедеятельности. *Непрерывность, последовательная преемственность традиций — важнейшие условия и предпосылка успешного развития образования вообще и юриспруденции в частности.* Непродуманные же перемены, в том числе под благими лозунгами модернизационных процессов и реформ, могут вступить в противоречие с национально-историческими традициями в области образования, привести к утрате достигнутого. Это тем более важно учитывать, если иметь в виду, что сегодня идеология консерватизма провозглашена едва ли не руководящей доктриной правящей политической партии. Но являются ли установки консерватизма реально господствующими в общественной практике? Действительно ли они учитываются при принятии судьбоносных решений, касающихся, в частности, системы высшего образования? Вряд ли на эти вопросы можно ответить однозначно утвердительно, если учесть как бесконечную череду образовательных реформ, так и то, что их результаты далеко не всегда приводят к улучшению тех отношений и институтов, которые подверглись преобразованиям. *Вот уж поистине — не все новое является прогрессом.*

С учетом этих общих соображений представляются важными оценки современных тенденций развития юридического образования, понимание его природы и назначения как *конституционной ценности* современного демократического правового государства.

Это необходимо учитывать, как представляется, при поиске оптимального баланса в соотношении национальных и наднациональных стандартов в юридическом образовании, имея в виду рубежи Рубикона, за которыми могут проявиться горизонты «юридического космополитизма», несовместимого с суверенными интересами российской государственности.

Профессиональная деятельность юриста самым непосредственным образом связана как с охраной прав и свобод личности, безопасностью граждан, так и с защитой государственных интересов, отстаиванием публичных ценностей общества и государства. Защищая закон на основе верховенства права, юрист призван на профессиональной основе охранять публичные и частные конституционные ценности, находить баланс между ними.

Вместе с тем, юридическое образование и само по себе является конституционной ценностью. Что имеется в виду?

Известно, что «ценность» есть признание за соответствующим явлением (объектом) определенной полезности, объективно-субъективной необходимости. В этом плане через конституционную ценность раскрывается в первую очередь конституционная значимость данного явления, в том числе юридического образования. Конституционная значимость юридического образования очевидна. Это проявляется в двух аспектах: а) публично-правовом и б) субъективно-личностном.

В публично-правовом плане юридическое образование, будучи включенным в общую систему профессионального образования страны, представляет собой важную сферу социальной государственности и одновременно — государственной политики по подготовке юридических кадров для судебных, правоохранительных, иных государственных и муниципальных органов, субъектов хозяйственной деятельности и т. п. В этом качестве юридическое образование проявляет себя как составляющая одной из основ конституционного строя, институциональное средство кадрового обеспечения законности и правопорядка, защиты суверенной российской государственности. Юристы являются, без преувеличения можно сказать, кадровой основой охраны и обеспечения безопасности Российской Федерации, что, впрочем, характерно для всякого уважающего себя государства и рассчитывающего на то, что-

бы к нему с уважением относились и все другие, в том числе на международной арене.

В субъективно-личностном плане конституционная ценность юридического образования имеет двуединые характеристики. Они связаны, с одной стороны, с самой природой получаемого человеком юридического образования как субъективно значимого для данного лица блага, являющегося результатом реализации этим лицом конституционного права на образование и во многом определяющего социально-правовой статус данного лица в обществе и государстве как обладателя профессионально-юридическими знаниями; с другой стороны, речь идет об ориентации профессиональной юридической деятельности в первую очередь на личность, защиту ее прав и свобод, составляющих высшую ценность российского конституционализма (ст. 2 Конституции РФ).

Конечно, это достаточно абстрактные, но важные характеристики, имеющие значение для уяснения самой природы и назначения юридического образования как конституционной ценности в современном демократическом государстве. Им соответствуют и особенности юридического, государственно-правового оформления (отражения) данной конституционной ценности: а) как элемента основ конституционного строя (ст. 7 Конституции РФ) и б) как одной из составляющих конституционного статуса личности (ст. 43 Конституции РФ).

Соответственно, *государственная политика в сфере реформирования юридического образования*, очевидно, должна быть конституционно обоснованной, целенаправленной, взвешенной, последовательной и системной, проводиться с опорой на научно обоснованные, концептуально выверенные подходы. Ее конституционное измерение определяется не только закреплением в Конституции РФ основополагающих требований и гарантий в области образования (ст. 43 Конституции РФ), но и фактическим конституционно-правовым содержанием во-

просов профессиональной деятельности юриста. Не случайно различные проблемы образования неоднократно становились предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации (далее — КС РФ). Причем, в данном случае речь идет как о решениях, имеющих, своего рода, точечное значение, касающихся конкретных вопросов системы образования, хотя, естественно, и в этих случаях соответствующие вопросы носят принципиальный характер, имеют конституционное значение (как-то, решение КС РФ, касающееся введения единого государственного экзамена¹), так и тех решений, которые затрагивают основополагающие принципы образования — равенства, справедливости, доступности образования и т.п. и другие².

В частности, доступность высшего профессионального образования, в том числе и юридического, связана, прежде всего, с возможностью получить его в равной мере всеми гражданами. Этот вопрос был предметом исследования КС РФ применительно, в частности к такой категории граждан, которые получают образование, совмещая учебу в высших учебных заведениях с работой. В этих целях федеральный законодатель установил для лиц, обучающихся в высших учебных заведениях без отрыва от производства, ряд гарантий и компенсаций в сфере труда, а именно предоставление отпуска на определенные сроки с сохранением заработной платы за счет работодателя (ст. 177 Трудового кодекса РФ). В то же время, учитывая, что установление подобных гарантий, налагает на работодате-

---

¹ См.: Определение КС РФ от 12 ноября 2008 года № 909-О-О // Архив КС РФ. 2008; Определение КС РФ от 16 декабря 2008 года №1088-О-О // Архив КС РФ. 2008.

² См., напр., Постановления КС РФ: от 24 октября 2000 года № 13-П // СЗ РФ. 2000. № 44. Ст. 4399; от 16 ноября 2004 года № 16-П // СЗ РФ. 2004. № 47. Ст. 4691; от 27 ноября 2009 года № 18-П // СЗ РФ. 2009. № 49 (Ч.2). Ст. 6041; определения КС РФ от 27 января 2011 года № 88-О-О // Архив КС РФ. 2011; от 17 ноября 2011 года № 1620-О-О // Архив КС РФ. 2011; от 29 мая 2012 года № 865-О // Архив КС РФ. 2012; от 17 июля 2012 года № 1345-О // Архив КС РФ. 2012.

ля определенные финансовые обязательства в отношении работника, федеральный законодатель распространил их только на тех лиц, кто получает образование впервые. Тем самым обеспечивается баланс конституционных прав и справедливое согласование интересов работников и работодателей как сторон в трудовом договоре. Вместе с тем, как указал Конституционный Суд РФ, устанавливая соответствующее положение, федеральное законодательство не препятствует расширению гарантий и компенсаций работникам, получающим второе высшее образование, в рамках коллективно-договорного и индивидуально-договорного регулирования и не исключает обязанности работодателя предоставлять таким работникам льготы в связи с обучением, если это предусмотрено коллективным договором либо соглашением между работником и работодателем¹. В то же время, предоставление дополнительных прав и гарантий лицам, получающим образование, не должно искажать цель, заложенную в самом праве на образование, и служить средством злоупотребления этим правом. Решая, прежде всего, задачи качественной подготовки лиц, получающих профессиональное образование, законодатель вправе устанавливать и особые требования к образовательным учреждениям и реализуемым ими образовательным программам². Эта линия, связанная с оценкой проблем образования с позиций соблюдения принципов равенства и справедливости, получила развитие в других решениях КС РФ. Так, в определении от 8 декабря 2011 г. № 1696-О-О КС РФ разъяснил, что действующим законодательством допускается возможность предоставления мер социальной поддержки в пределах имеющихся бюджетных средств определенной категории лиц (для которых государственная поддержка является необходимым источником средств к существованию), получающих высшее образование

---

¹ См.: Определение КС РФ от 08 апреля 2004 года № 167-О // Архив КС РФ. 2011.

² См.: Определение КС РФ от 17 ноября 2011 года № 1711-О // Архив КС РФ. 2011.

не только в государственных и муниципальных, но и частных учебных заведениях, получивших государственную аккредитацию¹. Тот же подход был реализован при рассмотрении КС РФ вопроса о праве отдельных категорий граждан на получение налогового вычета в сумме, затраченной на обучение, в том числе на заочной и вечерней формах².

Очевидно, что с помощью такого рода решений КС РФ обеспечивается, своего рода, приращение ценностных начал в образовательной системе и в образовательно-правовом статусе граждан. Поэтому характеристики юридического образования как конституционной ценности определяются не только Конституцией как актом, устанавливающим свод основополагающих ценностных ориентиров государственно организованного общества, но и решениями КС РФ. В концептуальном плане это определяется принципиальной возможностью генерирования конституционных ценностей посредством нормоконтрольно-оценочной деятельности судебных органов конституционного контроля и вытекающей из этого особой нормативно-доктринальной природой решений этих органов, с помощью которых этим ценностям придаются нормативные качества категории действующего права³. Справедливости ради следует, однако, признать, что и в этом случае конституционное значение соответствующих характеристик (в том числе относящихся к юридическому образованию) коренится в Конституции, в ее глубинном содержании и системных взаимосвязях нормативных положений Конституции.

Так, именно в практике КС РФ получили обоснование такие формально не поименованные в Конституции ценности, как «правовая определенность», «стабильность публичных

---

¹ См.: Определение КС РФ от 08 декабря 2011 года № 1696-О-О // Архив КС РФ. 2011.

² См.: Определение КС РФ от 17 декабря 2008 г. № 1071-О-О // Архив КС РФ. 2008.

³ См.: Бондарь Н.С. Конституционные ценности — категория действующего права (в контексте практики Конституционного Суда России) // Журнал конституционного правосудия. 2009. № 6 (12). С. 1–11.

правоотношений», «поддержание баланса публичных и частных интересов» и т. п. Что же касается образования, то по состоянию на 1 октября 2012 года КС РФ обращался к соответствующим вопросам (в различных аспектах), по крайней мере, в 54 решениях: принято 5 постановлений и 49 определений (2 из них — с позитивным содержанием). Инициаторами таких обращений выступали самые различные субъекты, включая как отдельных граждан (абитуриенты, студенты, представители профессорско-преподавательского состава вузов), так и сами вузы, другие органы и учреждения.

Вместе с тем глубинные характеристики юридического образования как социально-правовой ценности — в единстве ее публичных и личностных начал — определяются не на нормативно-правовом, в том числе конституционном, уровне, а самой жизнью, системой реальных общественных отношений, определяющих основные устои общества и государства. В этом плане концентрированным отражением понимания ценностных начал юридического образования является осознание того достаточно очевидного обстоятельства, что юридическое образование — это своего рода научно-образовательное, мировоззренческое отражение правовой культуры общества, показатель господствующих в обществе и признаваемых на уровне государственно-правовой политики нравственно-этических стандартов, моральных ценностей, без учета которых подготовка профессиональных юристов демократического правового государства, общества современной правовой культуры была бы невозможна. Иными словами, юридическое образование — это, в том числе, и важная нравственно-этическая ценностная основа правовой и политической культуры общества и государства. В данном контексте выглядят весьма опасными тенденции по превращению юридического образования в России в узкоспециализированное обучение юридическим технологиям на основе

прагматизма, чисто рыночных потребностей. При таком подходе юридическое образование теряет нравственный контекст и выхолщивается в технологическую процедуру подготовки правовых «технарей», подготовленных лишь к удовлетворению интересов клиента любой ценой, даже путем отказа от моральных ценностей и собственной совести¹. Сама юриспруденция становится лишь орудием защиты соответствующих интересов, теряя свое высокое нравственное призвание — обеспечивать справедливость, помогать слабым, укреплять духовность и суверенную правовую государственность.

---

¹ Синюков В.Н. Юридическое образование в контексте российской правовой культуры // Журнал российского права. 2009. № 7. С. 31–42; Васильев А.А. Концепция правового воспитания в контексте консервативной правовой доктрины России // Юридическое образование и наука. 2012. №3. С. 11–14.

2. ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАДЛЕЖАЩЕГО УРОВНЯ ПОДГОТОВКИ ЮРИДИЧЕСКИХ КАДРОВ — ПРОБЛЕМА КОНСТИТУЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В концентрированном виде понимание юридического образования как конституционной ценности заключается в том, что *качество подготовки юридических кадров — это, в конечном счете, проблема конституционной безопасности*; причем безопасность в этом случае в одинаковой степени касается как общества и государства, так и каждой конкретной личности. Ведь конституционная безопасность и есть ни что иное, как состояние защищенности жизненных интересов личности, общества и государства на основе последовательного обеспечения верховенства права, баланса конституционных ценностей.

Очевидно, что с распадом Союза ССР и его правовой системы, со стихийным переходом к рынку, в том числе активным проникновением рыночных начал в сферу образования, возникли принципиально новые условия функционирования всей ранее действовавшей системы образования, в том числе — по подготовке юридических кадров. Соответственно возникают и новые риски, угрозы, требующие оценки состояния юридического образования, сквозь призму конституционной безопасности.

Именно поэтому автор данной публикации посчитал возможным и необходимым обратить внимание на современное со-

стояние юридического образования как проблему конституционной безопасности *на встрече судей Конституционного Суда РФ с Президентом РФ, состоявшейся 12 декабря 2012 года*¹.

В концентрированном виде данная проблема — состояния юридического образования как конституционной безопасности — проявляется, по крайней мере, в двух основных моментах. Это, **во-первых**, бурный рост юридических вузов, что, в свою очередь, сопровождается таким же стремительным падением качества подготовки юридических кадров; **во-вторых** — и это, пожалуй, главная проблема не только сегодняшнего дня, но и на перспективу — в последствиях перестройки отечественного юридического образования в соответствии с требованиями Болонского процесса.

2.1. РЫНОЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПАРАДОКС: КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ РОСТ ЮРИДИЧЕСКИХ ВУЗОВ — ПУТЬ К ПАДЕНИЮ КАЧЕСТВА ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Проблемы отечественного юридического образования накапливались длительное время, но особенно обострились в последние полтора–два десятилетия. Настало время «привести юридическое образование в стране в чувство», — заявил Д.А. Медведев на церемонии вручения премии «Юрист года» 3 декабря 2012 года.²

Одно из первых мест в ряду острых проблем занимает — и на это обращается внимание уже не один десяток лет — *непомерный рост юридических вузов и факультетов*, особенно

---

¹ См.: Закатнова А., Курпьева О. Конституцию поздравили. Встреча Президента РФ с судьями Конституционного Суда // Российская газета (Федеральный выпуск). № 5960. 2012. 13 декабря.

² <http://www.government.ru/stens/21718/>

негосударственных, в том числе в непрофильных учебных заведениях (педагогических, технических, сельскохозяйственных, медицинских и т.п.). Об этом сейчас не говорит только ленивый, но воз и ныне там: по данным Рособнадзора, в настоящее время в стране подготовку юридических кадров осуществляют около 1200 высших образовательных учреждений (для сравнения отметим, что во всем Союзе ССР подготовку юристов осуществляли 52 вуза, а, например, в США в настоящее время действуют всего около 200 аккредитованных школ права).

Известно, что это за «юридические» вузы новой, рыночно-образовательной формации. Не имея надлежащей профессиональной, интеллектуальной, а нередко и материальной базы, они восполняют этот «пробел» саморекламой, открытым обманом своих клиентов, занимаясь не столько образовательной, сколько, с позволения сказать, образовательно-предпринимательской деятельностью, своего рода бизнес-юриспруденцией.

Сегодня эти проблемы вызывают серьезную обеспокоенность, в том числе у руководства страны. Не случайно, именно юридическому образованию был посвящен специальный *Указ Президента РФ от 26 мая 2009 г. № 599 «О мерах по совершенствованию высшего юридического образования в Российской Федерации»*¹. В соответствии с ним была предусмотрена разработка, при содействии Ассоциации юристов России (АЮР), механизма общественной аккредитации федеральных государственных и негосударственных образовательных учреждений высшего профессионального образования, осуществляющих подготовку юридических кадров, которая — в сочетании с поставленной тем же Указом задачей упорядочения процедур лицензирования образовательной деятельности и

---

¹ См.: СЗ РФ. 2009. №22. Ст. 2698.

государственной аккредитации государственных и негосударственных образовательных учреждений, осуществляющих подготовку юридических кадров, необходимостью выработки четких критериев оценки качества их деятельности — должна была бы вывести на оптимальные показатели необходимого количества юридических вузов.

Остается лишь сожалеть, что многочисленные «решительные» заявления и предупреждения как представителей Минвуза, других государственных органов, так и АЮР в адрес откровенно неэффективных юридических вузов не прекратили (и, пожалуй, даже не уменьшили) образовательно-юридический беспредел. Общественная аккредитация юридических вузов (с помощью АЮР) пока также не дала сколько-нибудь заметных результатов (если, правда, не иметь в виду финансовые результаты...). Да и можно ли уповать на нее как на некую панацею или, как это стало модным говорить, некий «месседж», посыл обществу — «не доверяйте не прошедшим общественную аттестацию юридическим вузам»? Но ведь все эти вузы имеют *государственную* аттестацию и, как правило, *государственную* аккредитацию! Вот он, главный, государственный (!) «месседж» обществу. И его мы хотим поставить под сомнение, дезавуировать общественной аттестацией? По крайней мере, сомнительно... Вероятно, надежнее было бы начинать с наведения порядка в системе государственной аккредитации, а заодно установить ответственность должностных лиц за бесосновательное освящение государственными решениями псевдоюридических вузов? Общественная же аттестация, конечно, возможна и полезна, но лишь как вспомогательное, дополнительное средство общественного контроля за юридическими вузами.

При этом бурный рост юридических вузов не только не сопровождался мало-мальски сопоставимым усилением кадрового потенциала юридических вузов и, соответственно,

хотя бы сохранением достигнутого качественного уровня юридического образования, но естественным в этой ситуации — продиктованным рыночными условиями — оттоком или, в лучшем случае, работой по совместительству в нескольких такого рода «вузах» востребованных специалистов признанных юридических центров. Проявилась таким образом в чем-то «уникальная закономерность» современного развития юридического образования: количественные (откровенно профицитные) показатели числа юридических вузов оказались, в своей основе, обратно пропорциональными «дефицитным» показателям качества юридического образования. Слагаемые кризиса российского юридического образования имеют в этом плане различные проявления, на что справедливо обращается внимание профессиональными представителями образовательной системы¹.

Учитывая же, что квалифицированный научно-педагогический состав юридических вузов ограничен по своему составу (как и ограничена его профессиональная и даже рыночная мобильность), чаще всего в качестве специалистов-преподавателей «широкого профиля» выступают практические работники, например правоохранительных органов, которым нередко поручается читать несколько юридических дисциплин. Это, в свою очередь, ведет, наряду с другими негативными последствиями, еще к одному, пока не до конца осознанному результату — к *утрате традиционной для отечественного образования фундаментальной подготовки юридических кадров*.

Эти проблемы существенно обостряются с включением нашего юридического образования в Болонский процесс.

---

¹ См., напр.: Жалинский А.Э. Правовая мысль и профессиональная деятельность юристов // Право и политика. 2005. № 8; Камышанский В.П. О юридическом образовании и профессии юриста в России // Власть закона. 2010. № 2; Марченко М.Н. Юридическое образование в современной России: Состояние и перспективы развития // Правоведение. 1999. № 3.

2.2. КОГДА ТЕЛЕГА СТАВИТСЯ ВПЕРЕДИ ЛОШАДИ: ИЛЛЮЗИИ ИНТЕГРАЦИИ РОССИИ В ЕВРОПЕЙСКОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Нет сомнений, что интеграция в европейское и мировое образовательное пространство имеет объективные предпосылки и условия. Очевидно, однако, и то, что интеграционные процессы не могут быть одинаковыми и равномерными применительно ко всему образовательному пространству. Уже сегодня это актуально, например для профессий и специальностей, связанных со сферой бизнеса и предпринимательства, для естественных и технических направлений профессиональной деятельности. Но является ли столь же актуальной эта задача (по крайней мере, по состоянию на сегодняшний день) для юристов, ориентированных в своей профессиональной подготовке прежде всего на изучение национального законодательства, действующего, естественно, в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права? Положительный ответ на этот вопрос, по крайней мере, не очевиден.

Говоря же о состоянии юридического образования как проблеме конституционной безопасности, в современных условиях, думается, есть основания обратить серьезное внимание на проблему соотношения национальных традиций в области юридического образования и зарубежного опыта, что в обобщенном виде может быть представлено как *соотношение национальных традиций и наднациональных (космополитических) начал* в системе юридического образования.

Остроту этому вопросу придает, в частности, то обстоятельство, что с момента, когда были подписаны документы о присоединении России к Болонскому процессу (2003 г.), получил некое идеологическое обоснование тезис о том, что

главным направлением и целью реформы юридического образования является его унификация с Болонской системой. При этом основой такой унификации, которая якобы должна была бы позволить уже к 2010 году войти в европейское образовательное пространство, должна стать двухуровневая система «бакалавриат-магистратура».

Автору данной статьи уже приходилось критически высказываться — и не только в научных публикациях — по поводу этих нововведений, что дает моральное право и сейчас, после принятия законодательных решений о переходе на двухуровневую систему юридического образования, не отказываться от принципиальной позиции. Правда, с одной существенной оговоркой: коль скоро теперь это требование закона, все обязаны его исполнять, пока закон сохраняет свое действие. Критическая же оценка необходима для понимания того, к каким последствиям, связанным с утратой наших национальных традиций в области юридического образования, можем прийти, если: а) не сможем минимизировать на практике разрушительные последствия внедрения этой системы в нашу национальную сферу юридического образования и б) не выработаем свою, национальную, доктрину юридического образования.

В связи с этим, прежде всего, несколько слов о *Болонском процессе и его значении для России* в части, касающейся подготовки юридических кадров. Известно, что официальный процесс объединения образовательного пространства в Европе был начат «снизу» — путем подписания 250 ректорами университетов Европы Великой хартии университетов (Болонья, 18 сентября 1988 г.). В дальнейшем, когда «процессы, происходящие в Европе, приобрели более конкретный характер, стали более полно отвечать реалиям стран Европейского союза и его граждан» (Преамбула), была принята Болонская декларация (Болонья, 19 июня 1999 г.).

С ней традиционно, но не вполне обоснованно, связывается начало Болонского процесса. Сомнения связаны, прежде всего, с ее юридической силой: это декларация, а не юридически обязательная конвенция. В этом документе в *декларативной форме* была провозглашена задача «координировать политику» соответствующих государств (декларация была подписана 31 государством Европы) с тем, чтобы «достичь в ближайшей перспективе (и, в любом случае, — в пределах первого десятилетия третьего тысячелетия)» таких целей, как: «принятие системы, основанной, по существу, на двух основных циклах — постепенного и постепенного» образования; «внедрение системы кредитов по типу ECTS — европейской системы перезачета зачетных единиц трудоемкости»; «содействии мобильности путем преодоления препятствий эффективному осуществлению свободного передвижения» учащихся и преподавателей и т.п.

Для Европейского союза, который медленно, но последовательно движется по пути интеграции в единое не только финансово-экономическое, но и политико-правовое пространство, задача унификации юридического образования действительно актуальна — уже для того, чтобы обеспечить правовые условия функционирования единого рынка труда, включая рынок юридических услуг. Однако даже в этой ситуации интеграционные процессы в образовательной сфере были обозначены весьма осторожно: координация образовательной политики с возможной перспективой выхода на унифицированную двухуровневую систему образования к концу «первого десятилетия третьего тысячелетия». При этом каждое из крупных государств Евросоюза — Великобритания, ФРГ, Франция, Испания, Италия — подписывали документы с многочисленными оговорками, стремясь интегрировать в Болонский процесс собственные традиции с возможно меньшими для себя потерями. Более того, многие крупные негосударственные

университеты Европы вообще находятся вне Болонского процесса, он для них не имеет императивного, юридически обязательного значения¹. Не поэтому ли в таких государствах (например в ФРГ) подготовка юристов по программам первого уровня (бакалавриат) осуществляется в своей основе лишь для... третьих стран; национальные же кадры проходят продолжительную профессиональную юридическую подготовку (в среднем до 6 лет) по своим университетским программам со сдачей квалификационных экзаменов, стажировкой и т. д.² Никто в Европе не принуждает и не собирается нивелировать все разнообразие учебных программ, выработанных столетиями. Для них понятие престижности национального вуза стоит на первом месте!

При этом важно учитывать, что автоматического взаимного признания дипломов в рамках Болонского процесса не предусмотрено. Согласно разделу III Лиссабонской конвенции 1997 года квалификации (дипломы), выданные в одной из стран-подписантов, подлежат лишь обязательной оценке. Это означает, что обладатель диплома (квалификации) может требовать бесплатную оценку своего образования. А что дальше? Последствия такой оценки неопределенны, третья страна не обязана признавать такой диплом, даже при соблюдении, например, унифицированной «системы кредитов» и наличии единого для всех стран по своей форме Приложения к диплому; тем более это проблематично, если речь идет о дипломе юриста.

Что же у нас? Каковы последствия включения отечественного юридического образования в Болонский процесс?

---

¹ См.: Галкина Е. Болонские тайны // <http://warrax.net/89/8bolon.html>.

² См., напр.: Bundesrechtliche Regelung der Ausbildung zum Einheits- und Volljuristen in einer zweiphasigen Ausbildung nach Deutschem Richtergesetz vom 19. 4.1972, zuletzt geändert am 5.2.2009; Landesrechtliches Gesetz über die Ausbildung von Juristinnen und Juristen im Land Berlin vom 23. Juni 2003 und Ausbildungs-, und Prüfungsordnung für Juristinnen und Juristen im Land Berlin (Berliner Juristenausbildungsordnung — JAO) vom 4.8.2003, zuletzt geändert am 7.1.2009.

3. НАЦИОНАЛЬНОЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ПРОКРУСТОВОМ ЛОЖЕ БОЛОНСКОГО ПРОЦЕССА

Оценивая первые (предварительные) итоги вхождения в Болонский процесс отечественного юридического образования, отметим, что Россия, не будучи участником экономических, финансовых и тем более политико-правовых интеграционных процессов Евросоюза, которые лежали в основе интеграции образовательного пространства, с официальным присоединением в сентябре 2003 года к Болонскому процессу (Третья встреча министров образования европейских государств в Берлине) сегодня оказалась... впереди Европы всей в части «всеобщей образовательной интеграции» и перевода юридического образования на двухуровневую систему «бакалавр-магистр». Одним словом, в действии оказался лозунг: «Даешь сплошную образовательно-юридическую унификацию!» (Как это напоминает наши национальные исторические уроки сплошной коллективизации, ускоренной приватизации и т. п.!)

Конечно, для полноты оценки этой проблемы надо было бы, прежде всего, представить характеристики наших национальных образовательных традиций, соотнести их с зарубежным опытом и требованиями Болонского процесса. Не уходя от этих проблем — хотя бы попутно они будут затронуты в дальнейшем — представляется, тем не менее, важным уяснение достаточно конкретного вопроса, имеющего предельно

прагматичное значение: *что предполагает, в частности в содержательном плане, переход национального юридического образования на двухуровневую систему «бакалавриат-магистратура»?*

3.1. «БАКАЛАВРИАТ-МАГИСТРАТУРА» — ПУТЬ К СНИЖЕНИЮ УРОВНЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Следует признать, что основные мотивы замены исторически сложившейся у нас системы юридического образования (по 5-летней программе подготовки специалистов) на двухуровневую систему «бакалавр-магистр» никоим образом не связаны с целями повышения качества юридического образования. Никто и не скрывает, что в данном случае имеется в виду иная цель — включиться в процесс унификации национальных европейских систем юридического образования. Одним словом, унификация рассматривается как самоцель, хотя там, на европейском образовательном пространстве (и тем более — на рынке юридических услуг Евросоюза), нас, кажется, никто не ждет. Это надо признать откровенно...

А каковы издержки адаптации нашей правовой действительности к системе «бакалавр-магистр»? Не касаясь организационно-методических и иных трудных вопросов, с которыми столкнулись юридические вузы в связи с внедрением двухуровневой системы юридического образования, отметим то главное, что касается *качества будущих выпускников отечественных юридических вузов.*

Главный вывод в этой части заключается в том, что большая часть юридических кадров, прошедших подготовку по

соответствующей двухуровневой системе, окажется за бортом традиционного для России элитного, фундаментального юридического образования. Взамен фундаментальности сейчас утверждается компетентностный принцип, предполагающий индивидуальную подготовку студента в соответствии с запросами работодателей. Последствия подобного перехода скажутся позже, однако, уже сейчас ясно, что в преобладающей части это будет качественно иной уровень юридического образования, что, надо полагать, ожидает как бакалавров, так и магистров права.

Так, что касается *системы бакалавриата*, то теперь, как известно, именно по этим усеченным программам 4-летнего обучения будет готовиться в России основная часть юристов: в магистратуре продолжат обучение, по оптимистичным оценкам, около 20–25% бакалавров. Известно, что это первая ступень высшего юридического образования. Но может ли она считаться полностью самостоятельной и завершенной, если уже сейчас работодатели (наниматели) не воспринимают бакалавров в качестве работников с полноценным (надлежащим) высшим образованием, а государство, законодатель по этому поводу просто молчит, не принимает номенклатуру юридических должностей, которые могли бы замещаться бакалаврами. Зато уже появились ведомственные нормативные документы, запрещающие профессиональное вторжение юристов-бакалавров в такие сферы квалифицированной юридической деятельности как правосудие, прокурорская работа и т.п. Оно и понятно, и по-своему оправданно, если иметь в виду уровень юридической подготовки бакалавров права. Кстати, об этом свидетельствует и опыт западноевропейских стран-участниц Болонского процесса, которые для своего внутреннего потребления готовят в преобладающей части юристов по полной программе подготовки юридических кадров.

С подготовкой магистров связано не меньше проблем, многие из них уже проявились достаточно остро. Первый опыт

реализации магистерских программ по юриспруденции свидетельствует, что их подготовка во многих вузах превращается в профанацию: ведь в соответствии с нашим действующим законодательством степень «магистр юриспруденции» доступна — в это трудно поверить, но это так — для обладателя любого диплома бакалавра или специалиста, независимо от базового образования (!). Будь ты врач, математик или физик, в течение... 2-х лет (!) можешь приобрести (прежде всего, на коммерческой основе) степень магистра юриспруденции. А ведь еще до недавнего времени наши юридические вузы давали второе высшее (юридическое) образование по 4-летним программам обучения! Не ведут ли такие «новации» к подрыву самих основ национального юридического образования? Ведь в этой ситуации профессора и доценты вынуждены заниматься в рамках магистерских курсов (!) юридическим ликбезом, чтобы дать хоть какие-то основы знаний о праве (та же учебная дисциплина «Теория государства и права» отраслевые учебные курсы магистерскими стандартами, естественно, не предусмотрены) в рамках псевдоюридической *подготовки будущих... не-юристов-магистров*. Вспоминаю весьма эмоциональное повествование известного профессора одного из ведущих юридических вузов Москвы о том, как ему приходится читать спецкурс для группы магистрантов, где юрист лишь... один, а остальные — представители почти десятка самых разных специальностей...

В тех же вузах, где переход на двухуровневую систему юридической подготовки состоялся несколько лет назад и, таким образом, имеется возможность набора на магистерские программы бакалавров с базовым (юридическим) образованием, такая подготовка происходит в рамках государственных стандартов, основу которых составляют так называемые болонские кредиты. При этом магистерское обучение в силу самой специфики его образовательных стандартов (как относительно са-

мостоятельного уровня юридического образования), а также с учетом узко-кафедральной «прописки» каждой в отдельности магистерской программы и объективной необходимости для кафедры решать собственные проблемы, например, учебной нагрузки в условиях перехода к двухуровневой системе обучения, мягко говоря, не всегда принимается во внимание проблема углубления профессиональных знаний, навыков и умений завтрашнего юриста высшей квалификации.

Одним словом, присущие обоим уровням юридического образования противоречия — в нашей, отечественной, их интерпретации, включая законодательное регулирование — объективно ведут к снижению ранее установленных и реально достигнутых стандартов подготовки юристов: очевидно, что внедряемый бакалавриат *существенно* уступает нашему специалитету. Соответственно, эти процессы объективно выхолащивают национальные традиции юридической сферы профессиональной деятельности, имея в виду, что в этих (новых) условиях естественным образом возникает образовательный провал в подготовке юридических кадров, где преобладающей части суждено стать заведомыми аутсайдерами-бакалаврами или же магистрами юриспруденции зачастую без... юридического образования.

Вряд ли может быть выходом в этой ситуации реализация активно обсуждаемого в последнее время предложения о *введении единого квалификационного экзамена*, сдав который, выпускник юридического вуза получал бы право на занятие конкретной профессиональной деятельностью — нотариуса, судьи, прокурора, госслужащего системы управления и т.п. Действительно, подобные экзамены существуют в США и ряде стран Европы, и они во многом оправдывают себя. Но надо понимать, что это проблема заключительного этапа проверки знаний; она вторична по отношению к самому процессу обучения. Если не навести порядок в подготовке спе-

циалистов, в системе обучения, может сложиться ситуация, когда на выходе и проверять-то будет нечего.

Что же касается интеграции нашего магистерского юридического образования в международную образовательную среду, то сегодня это весьма сомнительная задача, в том числе с учетом некоторых чисто технических моментов: даже в Европе (как и в США) до сих пор не решена проблема выработки минимальных критериев завершенности и полноты академической ступени юридического образования, на основе чего можно было бы двигаться, в свою очередь, к выработке международно-признанных стандартов (критериев) завершенного (полноценного) высшего юридического образования. Очевидно, что достижение согласия по этим критериям затруднительно — об этом свидетельствует и зарубежный опыт — даже в рамках отдельных национальных систем юридического образования.

3.2. ОПРАВДАНЫ ЛИ ПЕРЕСМОТР ФИЛОСОФСКО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ ОСНОВ НАЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ?

Модернизацию национальной системы юридического образования оправданно рассматривать прежде всего с философско-мировоззренческих позиций, поскольку, как верно подмечено, *каждое общество вырабатывает свой способ формирования правового профессионального сознания юристов*¹. В этом плане при оценке современных тенденций разви-

---

¹ См.: Синюков В.Н. Юридическое образование в контексте российской правовой культуры // Журнал российского права. 2009. № 7; Жалинский А.Э. Правовая мысль и профессиональная деятельность юристов // Право и политика. 2005. № 8; Камышанский В.П. О юридическом образовании и профессии юриста в России // Власть закона. 2010. № 2.

тия юридического образования (в том числе в связи с проблемой национальной конституционной безопасности) необходимо осознание того, что составляет главный водораздел между, условно говоря, Болонской и нашей национальной моделями подготовки юристов. Он, этот водораздел, проявляется в том, что *на основе Болонского процесса кардинально меняется понимание самой сущности и целей юридического образования*: на смену ориентирам, основанным на требованиях единства образования, науки и воспитания и осуществления на этой базе широкой, фундаментальной (в том числе гуманитарной) подготовки будущих юристов, приходит новая формула: юридическое образование — это процесс подготовки практикующего юриста как узкого специалиста в конкретной сфере правоприменения. *Отечественной системе образования предлагается, таким образом, принципиально новая мировоззренческая основа — философия юридического прагматизма.*

В соответствии с этим уже сегодня претерпевают коренные изменения учебные планы, решительно сокращается номенклатура учебных дисциплин. И это не случайно: в западных юридических вузах заметно меньше учебных дисциплин, чем у нас, причем это касается не только гуманитарных, общеобразовательных, но и специальных, юридических дисциплин. В этих условиях задача видится в том, чтобы подготовить юристов — практиков узкого профиля, «связанных» так называемыми кредитами (для бакалавра — 180–240 обязательных кредитов, для магистра — 60–120 «космополитических» кредитов). Парадокс состоит в том, что в этом случае, под предлогом создания условий для расширения образовательной (академической) мобильности, может существенно сократиться мобильность профессиональная: ведь в юридическом вузе изначально должны будут готовить сугубо узкого корпоративного юриста, нотариуса и т. п., о нынешних же возможностях как изначально выбора юридической профессии, так и последующей пе-

реквалификации в рамках расширяющегося спектра юридических профессий придется забыть.

В связи с этим следует со всей определенностью подчеркнуть: *Болонский процесс не может (и не должен!) менять национальную стратегию развития юридического образования.*

Россия, как известно, относится к романо-германской системе права и к той же (романо-германской) системе юридического образования. Для нее всегда была характерна ориентация не на прикладные, прагматические цели подготовки узких специалистов, а на приоритет глубокой общетеоретической, фундаментальной подготовки будущих юристов с их профессиональной ориентацией для различных сфер правоприменительной, равно как и правотворческой, деятельности.

При этом в России юридическое образование зарождалось «сверху», по велению государя. В частности, в условиях реформ Петра I вся система образования была подчинена интересам прежде всего государства. Главной задачей провозглашалось «*приуготовление юношества к различным родам государственной службы*». Уже первым Императорским Уставом 1804 г. (который первоначально предназначался для Московского, а затем был распространен и на другие университеты) учебным заведениям в лице юридических факультетов вменялось в обязанность готовить кадры для различных сфер государственной службы.

Справедливости ради, следует, правда, отметить, что в СССР в силу понятных причин сложилась узко-профессиональная, «*правоохранительно-криминальная*» модель юриста как специалиста с высшим образованием, ориентированного на работу, прежде всего, в правоохранительных органах. Такое понимание назначения юриста и, соответственно, модели, методики и методологии его подготовки было естественным: оно вытекало из понимания самой природы государства как аппарата принуждения и правоохранительного, в своей основе, назначения в нем специалистов в области юриспруденции.

Сейчас мы понимаем ограниченность такого понимания роли юриста в обществе и государстве и соответствующей этому системы подготовки юридических кадров¹.

Однако, нынешняя ситуация, связанная с падением качества подготовки юридических кадров на общем фоне бума юридических вузов, такова, что она объективно привела к консервации криминально-правоохранительной модели подготовки юристов, в особенности в непрофильных вузах, ориентирующихся на кадры правоохранительных и иных практических органов. Это и понятно: можно ли обеспечить подготовку специалиста на принципиально новой основе, например в филиалах, где местный (районный, городской) работник прокуратуры, другого правоохранительного органа или корпоративно-периферийной юридической службы «преподает» будущим юристам дюжину учебных дисциплин? Вот и получается консервация вчерашней модели юриста, сопровождающаяся демагогическими размышлениями о «связи учебного процесса с практикой».

---

¹ Справедливости ради следует признать, что сама структура советской экономики, когда в руках государства было около 90 процентов всех производственных фондов, объективно требовала усиления хозяйственно-правовых начал в подготовке юристов, что проявилось в определенной мере и в новых тенденциях развития отечественного юридического образования соответствующего периода.

4. ИННОВАЦИОННОМУ РАЗВИТИЮ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ — КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОРИЕНТИРЫ

4.1. КАКОЙ ДОЛЖНА БЫТЬ СОВРЕМЕННАЯ МОДЕЛЬ ЮРИСТА?

При поиске ответа на поставленный вопрос следует отметить, что потребности самой жизни, переход к рыночной экономике и плюралистической демократии предопределили трансформацию правоохранительной модели юриста и поиск новых подходов к юридическому образованию. Одним из наиболее значимых и востребованных работодателем оказался подход, связанный с выработкой некой *«рыночно-цивилистической», предпринимательской модели юриста*. По меньшей мере, каждый второй студент юридического факультета в конце 80-х — 90-е гг. прошлого века (что совпало с началом рыночных преобразований) желал стать банкиром или, в крайнем случае, бизнесменом от юриспруденции. При наличии, безусловно, позитивных ориентиров в такой подготовке юристов есть в ней и очевидные издержки: цивилистическая модель юриста неизбежно базируется на приоритете частно-правовых ценностей. Это неизбежно ведет к дисбалансу в квалификационных характеристиках будущего специалиста в области права между частными и публичными ценностно-образовательными началами.

Рыночные преобразования ни в коей мере не могут и не должны вести к фетишизации частноправовых начал в регулировании общественных отношений, что особенно важно

подчеркнуть в связи с реализацией на законодательном уровне Концепции развития гражданского права¹. Они способны лишь деформировать и дезорганизовать как частно-правовую сферу правового регулирования, так и правовую систему в целом, существенным образом разбалансировать соотношение личных, общественных и государственных интересов.

В современном мире главным является поиск баланса, оптимального соотношения между ценностями публичного характера, с одной стороны, и личными, частными ценностями — с другой. В формализованном, нормативно-правовом выражении это проблема соотношения суверенной государственной власти и свободы, которая (свобода) является не только «привилегией» частноправовых институтов; она прямо или косвенно пронизывает всю систему конституционного регулирования, «присутствует» в каждом конституционном институте, каждой норме и статье Конституции, а конституционное право как ядро правовой системы (во всей совокупности ее отраслей) приобретает природу публично-частной отрасли права. Эти тенденции должны учитываться и в системе юридического образования, в том числе при выработке, своего рода, идеологических основ современного национального юридического образования.

В частности, одна из фундаментальных задач в аспекте реформирования юридического образования — *переход к конституционной модели современного юриста*². Именно она

---

¹ В этом плане заслуживают всяческой поддержки подходы к проблеме соотношения частноправовых и публично-правовых начал в гражданском праве академика Ю.К. Толстого, его предложение выработать концептуальные начала публично-правового регулирования хозяйственных отношений. «Там, где мы все отдаем на откуп рыночной стихии, происходит немало трагедий...». (См.: Толстой Ю.К. О Концепции развития гражданского законодательства // Журнал российского права. 2010. № 1. С. 31–38).

² См.: Бондарь Н.С. Конституционная модель современного юриста: соответствует ли ей нынешняя система юридического образования? // Человек и закон. 2010. №1. С. 18–27.

должна обеспечить преодоление крайностей правоохранительной и предпринимательской моделей юриста.

В особой степени это важно для классического университетского юридического образования, для которого принципиально противопоказан узко-отраслевой подход к подготовке юристов (этим должны заниматься ведомственные юридические вузы, существующие в настоящее время более чем в десятке министерств и ведомств, как-то юридические учебные заведения системы МВД, Прокуратуры, ФСБ, налоговой службы, Минфина, Минтранса и т. д.). И это не должно восприниматься как искусственная попытка разделить юридические вузы на «ведущие» и «ведомые». Наличие классического университетского и отраслевого (ведомственного) юридического образования — давно сложившиеся реалии, которые нельзя не учитывать, в том числе в виде внутригосударственных рейтингов соответствующих вузов, юридических школ и т. п. (мы же, к сожалению, ориентируемся лишь на зарубежные рейтинги, в том числе при оценке своих (!) вузов). Кстати, и в системе университетского юридического образования возможна своя внутренняя градация с учетом имеющихся федеральных, исследовательских университетов, не говоря уже о столичных (МГУ, СПбГУ), обладающих особым статусом, и т. д.

Что же касается самого по себе учебного процесса, то в рамках конституционной модели подготовки юристов он должен строиться таким образом, что преподавание гражданского, уголовного, как и любой другой отрасли права, должно основываться на конституционных ценностных началах, пронизывающих всю нашу правовую систему и они должны стать надежными основами (принципами) правоприменительной деятельности каждого юриста независимо от сферы и направления его профессиональной деятельности. Без конституционализации всего учебного процесса юридических вузов невозможна подготовка современного правоведа университетского уровня.

Поэтому конституционная модель, ориентированная на фундаментальную подготовку юристов, не сводится к собственно государственведческой (конституционно-правовой) специализации. Она имеет конституционное обоснование во всех своих квалификационно-профессиональных характеристиках: *в основе всех ее составляющих должны лежать конституционные ценности демократической правовой государственности России.*

При этом структурная модель современного юриста может быть представлена, в обобщенном виде, как определенная система профессионально-образовательных координат и алгоритмов, определяющих:

а) стоящие перед юристом конституционно значимые перспективные цели и текущие задачи его профессиональной (прежде всего — правоприменительной) деятельности;

б) необходимые для решения соответствующих публично значимых задач личные и профессиональные качества юриста;

в) технологию (алгоритмы) формирования юриста как личности и специалиста сообразно с предъявляемыми к нему *универсальными* (характерными для юридического образования в целом) и *специальными* (отвечающими конкретному направлению профессиональной деятельности юриста) знаниями, умениями и навыками.

Наша национальная модель современного юриста должна разрабатываться в соответствии с вытекающими из Конституции РФ общими принципами, целями и задачами юридической деятельности как специальной профессиональной работы по обеспечению и поддержанию конституционного правопорядка, законности, обеспечению прав, свобод и законных интересов личности, общества, государства. Юрист должен быть жестко связан конституционными императивами, профессионально ответственен за реализацию Конституции как акта высшей юридической силы и прямого действия (ст.

15 Конституции РФ). В отличие от прежней модели советского юриста как юриста-правоохранителя, современный юрист — это, прежде всего, проводник и защитник верховенства права, и в этом смысле он — «право-защитник» (в широком смысле этого слова), для которого защита прав и свобод человека и гражданина, равно как и защита публично значимых конституционных ценностей общества и государства, является не только профессиональной обязанностью, но и конституционным долгом.

Одновременно юрист должен удовлетворять и таким требованиям, как: а) обладание высоким уровнем общесоциальной и правовой культуры, ориентация своей познавательной и исследовательской и практической деятельности на уважение и защиту основ конституционного строя Российской Федерации, отстаивание ее национальных интересов; б) понимание сути современных государственно-правовых, социально-политических и финансово-экономических явлений и процессов в их объективной сложности и взаимосвязях; в) овладение знаниями об исторических традициях и передовом зарубежном опыте правовой организации общественных отношений; г) усвоение методологии юридического познания и навыков реальной юридической деятельности, способность самостоятельно адаптироваться в условиях быстроизменяющейся правовой реальности.

Национальная модель юриста, таким образом, призвана отражать необходимость и конкретные направления формирования у гражданина в процессе юридического образования профессиональной «юридической личности» как субъектного носителя системы конституционно-правовых ценностей и идеалов. Соответственно, необходимым структурным элементом модели современного юриста и притом — в силу своей специфики — ее нормативным началом является конституционное мировоззрение (правосознание).

В этом плане, уйдя от слепого заимствования какой бы то ни было модели подготовки юридических кадров, необходимо выработать модель, отвечающую культурным, историческим традициям и духовности России, ибо главными проблемами в области юридического образования являются не технологические, не организационно-методические, а философско-мировоззренческие аспекты, имеющие конституционные начала разрешения.

Между тем анализ состояния юридического образования в России, а также оценка предложений по его совершенствованию позволяют сделать вывод, что конституционно-правовой составляющей в системе юридического образования не уделяется должного внимания. В этом плане одна из главных задач по совершенствованию самого содержания, образовательных стандартов подготовки будущих юристов — это *конституционализация юридического образования* во всех его составляющих, включая уголовно-правовой, гражданско-правовой блоки и т.д.

Следует признать, что конституционный нигилизм процветает, порой, в юридических вузах: прежние представления о Конституции как чисто декларативном документе, а не Основном законе прямого действия остаются ни к чему не обязывающей идеологической и во многом научно-педагогической догмой для заметной части преподавательского состава отраслевых юридических дисциплин, особенно уголовно-правового профиля. Это проявляется и в учебной литературе, где, например, Конституция РФ порой даже не упоминается в качестве источника соответствующей отрасли права. Вот и оказываемся в конституционном зазеркалье учебного процесса, где господствует своего рода параксизм отраслевой автономии, учебно-дисциплинарная «суверенность» в преподавании отдельных правовых дисциплин, для которых и Конституция, и решения Конституционного Суда РФ — как особый вид источников права — имеют второстепенное значение.

4.2. ПРАВОВАЯ КОМПАРАТИВИСТИКА: ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ИНТЕГРАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Критическая оценка поспешных, недостаточно взвешенных решений по интеграции в общеевропейское образовательно-правовое пространство ни в коей мере не должна вести к недооценке зарубежного опыта, связанного как с развитием правовых систем, так и с преподаванием различных отраслей публичного и частного права в университетах Европы и других зарубежных стран. Более того, изучение и активное использование передового зарубежного опыта, в частности в рамках правовой компаративистики является важным условием и, отчасти, способом естественного процесса постепенной интеграции России, ее правовой системы и юридического образования в европейское (как и евроазиатское) правовое пространство.

Правовая компаративистика призвана выполнять важные функции двуединого характера. С одной стороны, это ярко выраженное информационно-мировоззренческое назначение; с другой, в рамках отдельных тем и учебных дисциплин, ориентированных либо базирующихся на материале правовой компаративистики, безусловно, присутствует и профессионально-образовательная составляющая. Очевидно, что профессионально-образовательные начала в большей степени присутствуют в отраслевых дисциплинах, в особенности гражданско-правового профиля. Классический пример в этом плане — обязательная для системы юридического образования учебная дисциплина римского гражданского права. Не менее важным является преподавание (в рамках системы юридического образования) курса современного гражданского права

зарубежных стран¹. И, напротив, хорошо известная юристам всех старших поколений дисциплина конституционного права зарубежных стран имеет, прежде всего, мировоззренческую ориентацию. Речь идет, в частности, о конституционном мировоззрении.

Конституционное мировоззрение представляет собой сложное явление социальной действительности, отражающее не только правовые, но и политико-идеологические, эмоционально-волевые, психологические, национально-культурные начала, действие которых, с одной стороны, непосредственно проявляется в общественных отношениях, составляющих предмет конституционного права, а с другой, предопределяется общественной практикой, которая по существу и выступает основой появления, развития, столкновения и преобразования социальных ценностей, воплощающих в себе основные характеристики конституционного мировоззрения и имеющих тенденцию к нормативному формализованному выражению. На этой теоретической основе вполне логичным может выглядеть понимание и самой конституции не только в качестве основного закона государства, но и как нормативной основы, политико-правового ядра высшей формы правового сознания, имея в виду понимание самой конституции не только в ее формально-юридическом, но и мировоззренческом, политико-идеологическом выражении.

Нормативно-правовое обеспечение конституционного мировоззрения осуществляется, прежде всего, на основе признания ценностного значения самой по себе конституции, что выражается в системе формально-юридических свойств данного акта, включая учредительный характер, верховенство, высшую юридическую силу, прямое действие, особый порядок принятия и изменения. Одновременно ценностная значимость

---

¹ См., напр.: Зенин И.А. Гражданское и торговое право зарубежных стран. М.: Юрайт. 2012.

проявляется и в материальном содержании закрепляемых в конституции целей, принципов и норм, которые выступают не только нормоположениями регулятивного характера, но и являются отражением фактически сложившихся в обществе представлений о социальных приоритетах и оптимальных моделях обустройства соответствующих областей общественной и государственной жизни.

В этом плане национальное конституционное мировоззрение по своей сути основано на идеях, ценностях и принципах современного конституционализма. Оно *едино* — в той мере, в какой призвано отражать ценностную идентичность каждой конкретной (национальной) правовой системы, и вместе с тем *плюралистично* — в той мере, в какой та или иная национальная система ценностных правил при всей вариативности ее конкретного содержания не противоречит общепризнанным принципам и ценностям современного конституционализма и не порождает угроз конституционной безопасности человека, народа и государства. Поэтому формирование посредством юридического образования конституционного мировоззрения юриста с необходимостью предполагает обозрение всего конституционного пространства мира и освоение — по крайней мере, на уровне основ — всего многообразия исторических и национальных форм проявления конституционализма в его соотношении с национально-специфическим конституционно-правовым опытом.

Сегодня это важно еще и потому, что конституционные доктрины и ценности, имеющие в своей основе политико-правовую природу, все чаще используются в режиме «двойных стандартов» как инструмент идеологической борьбы, политической пропаганды, а то и «политико-правовой» интервенции на основе обоснования приоритета одних конституционно-правовых систем перед другими и связанной с этим необходимости добровольного или принудительного следования «не-

развитых» конституционно-правовых систем за так называемыми прогрессивными, эталонными. В этих условиях юрист — как носитель и охранитель национальных конституционных ценностей — должен обладать необходимым методологическим аппаратом и познаниями для критического осмысления соответствующих доктрин и теорий и различения научно обоснованных, национально полезных предложений (концепций) и сугубо политических проектов.

В этом плане существенное значение, в том числе и для профессионального формирования юриста, имеет *конституционная компаративистика* (сравнительное конституционное право), представляющая собой комплексный научный метод сравнения конституционного права и практики его реализации различных государств, выделения в нем общего, особенного и единичного¹.

На этой основе можно выделить основные формы воздействия конституционной компаративистики на мировоззрение и профессиональную подготовку будущего юриста. Это: ценностно-идеологическое воздействие; информационное воздействие; эмоционально-психологическое воздействие и, более того, здесь присутствуют элементы нормативного влияния на профессионально-образовательную модель юриста. Каждая из этих форм воздействия может быть предметом конкретного анализа и оценки.

Между тем анализ состояния юридического образования в России, а также предложений по его совершенствованию, позволяет сделать вывод о том, что *конституционно-компаративистской методологии в системе юридического образования не уделяется должного внимания*.

Так, в федеральных государственных образовательных

---

¹ См.: Бондарь Н.С. О конституционной модели юриста и роли конституционной компаративистики в системе юридического образования // Сравнительное Конституционное Обозрение. 2009. № 6. С. 57–65.

стандартах высшего профессионального образования по направлению подготовки «юриспруденция» изучение сравнительного правоведения предполагается только в рамках основной образовательной программы *магистратуры*, базовая (общепрофессиональная) часть профессионального цикла которой предусматривает изучение сравнительного правоведения с точки зрения: процессов формирования и развития соответствующих идей; объекта, предмета, источников и принципов сравнительного правоведения; места и роли сравнительного правоведения в обществе, в том числе, в системе юридического образования; взаимосвязи и взаимодействия международного и внутригосударственного права; классификации правовых систем. Что же касается образовательной программы *бакалавриата*, то в ее базовую часть включено лишь изучение основных исторических этапов, закономерностей и особенностей становления и развития государства и права зарубежных стран, что теперь представлено в усеченном виде в рамках освоения курса теории государства и права.

Потребности в освоении сравнительного конституционного права не учитываются в должном объеме и при организации образовательного процесса. Предусмотренные федеральными государственными образовательными стандартами требования к условиям реализации основных образовательных программ подготовки бакалавров и магистров лишь вскользь упоминают о необходимости обеспечения в рамках учебных курсов встреч студентов с «представителями... зарубежных компаний» (почему не учебных и научно-исследовательских учреждений, государственных и общественных организаций?), а также возможности оперативного обмена информацией с зарубежными вузами, предприятиями и организациями. При этом студентам, обучающимся по программе бакалавриата, только при включении в состав учебной практики научно-исследовательской работы должна быть предостав-

лена возможность «изучать достижения... зарубежной науки в области правовых знаний и другую необходимую научную информацию». Федеральные стандарты гарантируют каждому обучающемуся возможность доступа к библиотечному фонду, который должен состоять не менее чем из 10 наименований отечественных журналов из перечней, рекомендованных: для обучающихся по программе бакалавриата — Учебно-методическим объединением по юридическому образованию вузов России, магистратуры — ВАК России. Ознакомление же с зарубежной научной периодикой стандарты гарантируют на уровне не менее одного журнала для обучающихся по программе бакалавриата и не менее двух — для обучающихся в магистратуре.

Конечно, такая сдержанность федеральных стандартов в части изучения студентами сравнительного конституционного права (как, впрочем, и сравнительного права вообще) может быть компенсирована на уровне конкретных вузов в рамках предоставленной им возможности заполнять так называемую вариативную часть профессиональных циклов основных образовательных программ бакалавриата и магистратуры. Однако, сам смысл и назначение этих стандартов в том, чтобы прямо закрепить на общенациональном уровне единые требования к минимально необходимому набору знаний и навыков юристов, очертить тот объем информационно-практического массива, которым выпускник должен владеть безусловно, вне зависимости от конкретного вуза обучения. Они же, принципиально допуская возможность незнания зарубежного правового опыта (по крайней мере, для бакалавров), существенным образом принижают значение как сравнительно-правовой методологии, так и сравнительно-правовых знаний. Это, кстати, в значительной мере расходится с базовыми принципами Болонского процесса, одна из ключевых идей и целей которого состоит в обеспечении максимальной мобильности студентов,

а в последующем и квалифицированных кадров: каким образом такая мобильность может быть достигнута без освоения взаимного научно-практического опыта участвующих в Болонском процессе стран остается неясным.

Несколько слов также о *методике преподавания и изучения конституционной компаративистики*. По этим вопросам, как известно, существуют самые разные подходы, связанные, в том числе с самим пониманием сравнительного правоведения — либо как самостоятельной науки, либо как отдельного научного метода. В этой связи — об основных, наиболее принципиальных моментах.

Во-первых, в основе методики конституционной компаративистики должен лежать, прежде всего, *институциональный подход*, что предполагает сопоставление сложившихся национальных конституционно-правовых институтов в их единстве и различии, и как дополняющий его — сравнительный анализ конституционно-правовых доктрин. Иное неизбежно приводило бы к абсолютизации, идеализации, а, в конечном счете, универсализации тех или иных абстрактно-научных построений, их возведению в степень всеобщего эталона конституционно-правового регулирования, в то время как право вообще и конституционное право в частности имеют рефлекторную природу — они формируются в конкретной национальной социокультурной среде и общественной практике и в процессе своего становления и развития естественным образом порождают релевантные соответствующей социальной реальности юридические формы ее опосредования, способные организовать ее наиболее эффективно с сохранением в ней лучшего и преодолением дефектов. Изучение и сравнительное исследование национальных конституционно-правовых институтов не самих по себе, а как конкретных явлений социально-правовой реальности позволяет адекватно уяснить их роль, значение и возможности в соответствующем социальном контексте и

объективно оценить перспективы их переноса (трансплантации) в иную национально-государственную среду.

Во-вторых, с этих позиций вряд ли является бесспорным, в частности такой подход к преподаванию конституционного права, при котором его предлагается изучать как некую единую систему, «конституционное право вообще», вне какого-либо отраслевого и страноведческого предметного членения. В этом случае национальный и зарубежный конституционные компоненты, не получая внешнего дисциплинарного оформления, включаются во внутреннюю структуру соответствующего «единого» курса и рассматриваются в его специальной части; общая же часть курса охватывает собой своего рода «всеобщую» теорию конституционного права, и она выступает предпосылкой для изучения особенных, единичных конституционно-правовых явлений. Очевидно, что реализация такого подхода, основанного, в сущности, на представлении об общемировом (идеальном, стандартизированном) конституционном праве, может привести к методологическому дисбалансу в науке конституционного права — преобладанию общего в ущерб особенному, абстрактного в ущерб реальному и, в конечном счете, влечет за собой «денационализацию» науки конституционного права.

В практико-прикладной плоскости такой подход может стать методологическим, концептуальным «обоснованием» приоритета международно-правовых норм, так называемых международных стандартов над нормами национального конституционного права, включая нормы конституции. Между тем система современного отечественного конституционализма строится на иных принципах, предусматривающих признание высшей юридической силы и прямого действия Конституции РФ на территории Российской Федерации (ч. 2 ст. 3, ч. 1, 2 ст. 15 Конституции РФ) и предполагающих ее безусловный внутригосударственный приоритет перед любыми иными, в

том числе международными, источниками права. Такой подход, основанный на требовании безусловного верховенства Конституции РФ, ни коим образом не противоречит другому, не менее важному конституционному императиву: общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации, являясь составной частью ее правовой системы (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ), обладают верховенством по отношению ко всем другим нормам национального законодательства, кроме Конституции.

В-третьих, для преподавания и изучения конституционной компаративистики как средства интеграции в мировое правовое пространство существенное значение имеет *сравнительный анализ практики органов конституционного контроля*. Он позволяет не только усилить *прецедентно-практическое начало* в механизме преподавания сравнительного конституционного права, придать обучению высокую степень наглядности, но и, что особенно важно, рассмотреть соответствующие конституционные вопросы (проблемы) в их объективной картине — *нормативно-доктринальном и юридико-социальном единстве*. Не случайно первые монографии, изданные в США под названием «Сравнительное конституционное право», имели подзаголовок «Казусы и материалы»¹. Речь идет о том, что наряду с немногими общими положениями главное внимание в них уделялось решениям высших судебных инстанций по толкованию конституционных норм².

И это вполне логично. Следует признать, что ряд вопросов в рамках конституционной компаративистики в принципе не может быть рассмотрен вне конституционно-судебной практики, имея в виду, что не только отечественная модель консти-

---

¹ Groves H.E. Comparative Constitutional Law: Cases and Materials. N.Y., 1963; Cappeletti M., Cohen W. Comparative constitutional Low: Cases and Materials. Indianapolis, 1979.

² См.: Сравнительное конституционное право. М.: Манускрипт. 1996. С. 14–15.

туционного контроля, но и модели конституционного контроля иных государств, включая США и Германию, предполагают активное участие конституционно-контрольных органов в формировании и развитии национальной конституционно-правовой доктрины. Это означает признание за соответствующими органами возможности конституционно-судебного внедрения в юридическую и социальную практику не только реализации сложившихся, но и формирования новых конституционных институтов или обоснования конституционного значения существующих отраслевых институтов.

Характерным примером здесь может служить процесс становления института социально-экономических прав граждан в США. Не имея прямого закрепления в тексте американской Конституции, эти права получили конституционное обоснование в интерпретационной практике Верховного Суда США, последовательно сложились в качестве судебно-правовой доктрины, а затем были признаны американской конституционной теорией и практикой как полноценный конституционно-правовой институт¹.

Вместе с тем анализ конституционно-судебной практики позволяет глубже понять общее и особенное в конституционно-правовых системах современности, а также причины, лежащие в основе соответствующего единства или различий. В качестве примера здесь можно привести такую значимую с точки зрения конституционного права проблему, как возможность образования религиозных, региональных и местных партий. Решения Конституционного Суда РФ² разнятся в этом плане с зарубежной конституционной практикой, хотя это отнюдь не означает «ошибочность» какого-либо из имеющихся подходов

---

¹ См.: Сафонов В.Н. Конституция США и социально-экономические права граждан: историко-правовое исследование. М.: Норма. 2007.

² См., напр.: Постановление КС РФ от 1 февраля 2005 года №1-П // СЗ РФ. 2005. № 6. Ст. 491.

отдельных систем современного национального конституционализма. В России, с одной стороны, и, например, в Германии, Испании, Италии — с другой, где имеет место иная конституционная практика, существуют различные социокультурные условия, влияющие на решение соответствующих конституционно значимых вопросов.

Одним словом, конституционная компаративистика имеет более важное и тонкое значение, в том числе с точки зрения профессиональной подготовки юристов, чем порой бытующие «простые» подходы к преподаванию сравнительного конституционного права на основе поиска «конституционных идеалов» за семью морями и отрицания конституционного пророка в собственном Отечестве.

Все эти обстоятельства особенно важно учитывать в условиях правовой глобализации, которая объективно предъявляет новые требования к образовательно-юридической интеграции, не устрояя, тем не менее, национальную специфику образовательных юридических и нормативных правовых систем.

4.2. ПРАВОВАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР РЕФОРМИРОВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В условиях современного глобализирующегося мира, склонного к существенному уплотнению правового регулирования на основе универсализации юридических подходов к организации социальной жизнедеятельности, ценность юридического образования, как и потребность в его реформировании, объективно возрастает.

Основу глобальной юридизации общественных отношений в современных демократических государствах составля-

ют, прежде всего, процессы правовой модернизации на основе всеобщего признания и утверждения универсальных конституционных ценностей. В свою очередь, универсализация конституционных ценностей сопровождается их трансформацией из мифологизированных политико-идеологических характеристик сущего в действующие нормативно-правовые императивы должного.

В юридико-глобализационном плане эти процессы могут быть представлены в обобщенном виде в следующих аспектах: а) институциональном, правотворческом, состоящем в сближении правовых систем современности на основе единства их конституционных ценностей; б) правореализационном аспекте, где особый профессиональный интерес вызывает формирование наднациональных юрисдикционных органов по защите общепризнанных ценностей (прежде всего — прав и свобод человека); в) в аспекте утверждения новой правовой идеологии, нового типа правосознания и правовой культуры, что выражается, в том числе, в унификации правовых ценностей и сближении фундаментальных характеристик национальных правовых культур; г) в конституционализации общепризнанных принципов и норм международного права и на этой основе — проникновение внутригосударственных юридико-правовых начал в сферу международных отношений; и др.

В условиях современного мира процессы модернизации являются неотъемлемым элементом универсальной тенденции глобализации, в рамках которой происходит взаимное переплетение, диффузия внутригосударственных и международных норм и институтов, а преобразование жизнедеятельности конкретного общества и государства обуславливается системой универсальных принципов развития человечества.

Глобализация напрямую влияет на правовые системы современных государств, предопределяет новые ценностные

критерии их развития, модернизации и защиты, равно как и влияет на систему юридического образования. В этом плане в качестве факторов, ставящих новые проблемы содержательного плана и непосредственно влияющих на трансформацию юридического образования, следует назвать прежде всего: нарастающие процессы взаимодействия и связанные с этим профессионально-юридические потребности согласования различных правовых систем, равно как и взаимодействия внутригосударственного права с наднациональным; внедрение в образование нетрадиционных источников права, включая правовые принципы, прецеденты, решения органов конституционного правосудия; увеличение объема нейтрального (внеотраслевого) правового регулирования, которое, не вписываясь в традиционные отрасли права и потому выпадая из образовательного процесса, может и должно быть охвачено общими принципами и ценностями конституционализма; правовая нестабильность в развитии социально-экономических и политических систем современных государств и, соответственно, необходимость выработки новых методологических подходов к оценке и профессиональному освоению динамики законодательного регулирования, правоприменительной практики и т.п.

При этом, конечно же, актуальной является проблема *формирования единого образовательного пространства в области юриспруденции*. Но с кем? На каком пространстве? Естественно, в первую очередь со странами, имеющими единые исторические и стратегические основы как социально-экономических, так и политических условий развития.

Этим целям в наибольшей степени могло бы соответствовать создание *евразийской концепции юридического образования*, ориентированной на решение общей задачи *формирования единого образовательного пространства государств — участников СНГ*. Между тем сейчас нам, к сожалению, по этим

вопросам до Киева или Еревана сложнее достучаться, чем до Брюсселя.

В рамках конкретных направлений евразийской концепции юридического образования можно выделить: формирование общих принципов государственной политики в области юридического образования; установление согласованных уровней юридического образования; выработка механизмов установления эквивалентности и взаимного признания дипломов, ученых степеней и званий; обеспечение образовательной и профессиональной мобильности и т. д.

Что же касается нашей национальной системы юридического образования в соотношении с Болонским процессом, то в этой части необходима корректировка политики интеграции юридического образования в европейское образовательное пространство. Думается, мы могли бы стать (а теперь — остаться) участниками Болонского процесса без ломки сложившейся системы образования и, что принципиально важно (!), без снижения достигнутого уровня образовательных стандартов. В частности, на двухуровневую систему юридического образования можно было бы перейти, не отказываясь от оправдавшей себя модели специалитета, а, напротив, взяв ее за основу — в качестве первого (и, что очень важно, полноценного, признаваемого всеми работодателями) уровня юридического образования. Вторым же уровнем станет в этом случае магистратура, что и предусмотрено Болонскими стандартами. Другой вариант развития двухуровневой системы юридического образования, также основывающийся на нашем историческом опыте — это модернизация (и, естественно, коренная) ранее существовавшей системы среднего специального (юридического) образования, ее доведение до требований

Такому решению не противоречит, по крайней мере в принципиальном плане, и действующее законодательство. В

частности новый Федеральный закон «Об образовании»¹ прямо предусматривает в структуре системы образования в качестве самостоятельных уровней профессионального образования не только бакалавриат и магистратуру, но и специалитет (ст. 10, п. 5). При этом содержание образовательного процесса по каждому из этих направлений подготовки (включая специалитет), сроки освоения образовательной программы определяются высшим учебным заведением в соответствии с законодательством Российской Федерации об образовании, соответствующим федеральным государственным образовательным стандартом или федеральными государственными требованиями (ст. 12). Университетская автономия при решении данной проблемы должна быть поставлена на первое место².

Дополнительным аргументом в пользу такого решения является и тот факт, что в утвержденный Правительством РФ перечень направлений подготовки (специальностей) высшего профессионального образования, подтверждаемого присвоением лицу квалификации (степени) «специалист» включены такие родственные с юриспруденцией новые специальности (направления подготовки), как «правовое обеспечение национальной безопасности» и «правоохранительная деятельность»³,

---

¹ См.: СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

² Кстати, в России уже имеется пример состоявшегося недавно (2012 г.) отказа от Болонской двухуровневой системы и возврат к специалитету в одной из сфер высшего образования (подготовка офицерского состава в системе Министерства обороны РФ). См.: Мухин Вл. Профессиональная армия появится через 100 лет. Действующая в стране система подготовки офицеров и сержантов не дала ожидаемого эффекта // Независимая газета. 2012. 26 ноября.

³ См.: Постановление Правительства РФ от 30 декабря 2009 года № 1136 (в ред. от 29 июня 2011 года) «Об утверждении перечня направлений подготовки (специальностей) высшего профессионального образования, по которым установлены иные нормативные сроки освоения основных образовательных программ высшего профессионального образования (программ бакалавриата, программ подготовки специалиста или программ магистратуры) и перечня направлений подготовки (специальностей) высшего профессионального образования, подтверждаемого присвоением лицу квалификации (степени) «специалист» // СЗ РФ. 2010. № 2. Ст. 199.

т. е. для них в исключение из общего правила двухуровневой системы образования предусмотрено подтверждение получения высшего образования присвоением квалификации «специалист».

В заключение отметим: юридическое образование — понятие космополитическое и одновременно глубоко национальное, конкретно-историческое. Юрист — носитель и хранитель национальной правовой культуры. Поэтому нам необходимо четкое понимание того, в каком направлении совершенствовать, реформировать юридическое образование. Ориентиром является в этом плане осознание того безусловного факта, что юридическое образование — важнейшая национальная ценность и конституционная цель современного демократического правового государства.

Обсуждение продолжается...

...на страницах «Российской газеты»,
в рубрике «Юридическая неделя»
(«РГ» — «Неделя», №6026 от 7 марта 2013 г.)

Российская Газета <http://www.rg.ru/2013/03/07/unst.html>

Магистр почти не виден

Привлечена ли в России Болонская система?

Юридическая неделя
Михаил Барщевский

Споры о Болонской системе, предполагающей два уровня подготовки — бакалавриат и магистратуру, ведутся давно. Ряд именитых юристов считает, что в юридической сфере она вообще неприемлема. Свой взгляд на острую тему президиума Ассоциации юристов России Михаил Барщевский изложил Конституционному суду РФ Николай Бондарь.

Европа нам указ или не указ?

— Николай Семенович, не так давно на встрече с президентом Путиным вынесли вопрос о юридическом образовании. Что вас, доктора наук, профессора, заведующие федеральными университетами, не устраивает?

Николай Бондарь: Конечно, много вызывает тревогу. Некоторое количество из нас опделает, падение качества юридического образования. Есть и более общие проб- включением нашей системы образования в Болонский процесс, с его перестройкой образования и, очевидно, неизбежной трансформацией его глубинных, сущностных начал традиционной для нас и во все равно-переходной системе фундаментальной подготовки юриста к обучению юриста по «компетентности» учебного профиля. Этому должны служить система бакалавриат- магистратура и выданные стандарты Болонской системы.

Ключевой

— Вы много лет работали в России-на-Дону, теперь в Питере. Сравните образовательную жизнь в Ростове, Питере, например, где сюда была перенесена и Болонь?

Николай Бондарь: Научная жизнь, интересная и богатая в Москве. Задача, профильная для внутреннего областного юриста в Питере. А не профессиональная деятельность, как судья, — в Питере, скорее с

ной, которая определяет ориентиры для публикации и применения тех конституционных прав, изучается в течение одного семестра. А если не могут получить конституционное право как «дипломно-квалификационный» и в своем вузе.

...тает идея о едином квалификационном знаменье, знаменье, которое, и работать магистром, судьям, прокурорам либо в госу-... знаменье. Подобные знаменья существуют в США и многих странах и являются высшим профессиональным знаменьем в России?

...твом законченного этапа проверки знаний вторично по отношению к тем не является порядком в системе обучения, может сложиться ситуация, когда выпуск не повлечет за собой...

...зачисления в вузы. Даже при существующей системе государственных экзаменов такая практика выставляется не за что считается уже выпуск лет обучения.

...твенна на «зачет» и «получить».

...твенна на «зачет» и «получить».

...твенна на «зачет» и «получить».

...твенна на «зачет» и «получить».

...твенна на «зачет» и «получить».

...твенна на «зачет» и «получить».

...твенна на «зачет» и «получить».

...твенна на «зачет» и «получить».

...твенна на «зачет» и «получить».

...твенна на «зачет» и «получить».

...твенна на «зачет» и «получить».

...твенна на «зачет» и «получить».

...твенна на «зачет» и «получить».

...твенна на «зачет» и «получить».

...твенна на «зачет» и «получить».

...твенна на «зачет» и «получить».

...твенна на «зачет» и «получить».

...твенна на «зачет» и «получить».

...твенна на «зачет» и «получить».

...твенна на «зачет» и «получить».

...твенна на «зачет» и «получить».

...твенна на «зачет» и «получить».

...твенна на «зачет» и «получить».

...твенна на «зачет» и «получить».

...твенна на «зачет» и «получить».

...твенна на «зачет» и «получить».

...твенна на «зачет» и «получить».

...твенна на «зачет» и «получить».

...твенна на «зачет» и «получить».

...твенна на «зачет» и «получить».

...твенна на «зачет» и «получить».

...твенна на «зачет» и «получить».

Юристов будут готовить по программе бакалавриата, и это тревожит профессию

...твенна на «зачет» и «получить».

...твенна на «зачет» и «получить».

...твенна на «зачет» и «получить».

...твенна на «зачет» и «получить».

...твенна на «зачет» и «получить».

...твенна на «зачет» и «получить».

...твенна на «зачет» и «получить».

...твенна на «зачет» и «получить».

...твенна на «зачет» и «получить».

...твенна на «зачет» и «получить».

...твенна на «зачет» и «получить».

...твенна на «зачет» и «получить».

...твенна на «зачет» и «получить».

...твенна на «зачет» и «получить».

...твенна на «зачет» и «получить».

...твенна на «зачет» и «получить».

...твенна на «зачет» и «получить».

...твенна на «зачет» и «получить».

...твенна на «зачет» и «получить».

...твенна на «зачет» и «получить».

Слайд экзамен - и труднее.

...твенна на «зачет» и «получить».

ПРИЕМЛЕМА ЛИ В РОССИИ БОЛОНСКАЯ СИСТЕМА?

Споры о Болонской системе, предполагающей два уровня подготовки специалистов — бакалавров и магистров, ведутся давно. Ряд именитых юристов считает, что в юридической сфере она вообще неприемлема. Свой взгляд на острую проблему члену президиума Ассоциации юристов России Михаилу Барщевскому изложил судья Конституционного суда РФ **Николай Семенович БОНДАРЬ**.

ЕВРОПА НАМ УКАЗ ИЛИ НЕ УКАЗ?

– Николай Семенович, не так давно на встрече с президентом Путиным вы неожиданно подняли вопрос о юридическом образовании. Что вас, доктора наук, профессора, завкафедрой одного из федеральных университетов, не устраивает?

Николай Бондарь: К сожалению, многое вызывает тревогу. Непомерное количество юридических вузов и, как следствие, падение качества юридического образования. Есть и более общая проблема, связанная с включением нашей системы образования в Болонский процесс, с коренной перестройкой юридического образования и, очевидно, неизбежной трансформацией его глубинных, сущностных начал. Вместо традиционной для нас и всей романо-германской системы фундаментальной подготовки предлагается перейти к обучению

юристов по «компетенциям» узкого профиля. Этому должна служить двухуровневая система: бакалавриат — магистратура и внедрение стандартов Болонской системы.

Но она ориентирована на Евросоюз, члены которого уже давно связаны единым правовым пространством и рынком юридических и образовательных услуг. А нас там нет и, по крайней мере, на обозримую перспективу задача вхождения не стоит. Увы, в 2003 году мы подписали Болонское соглашение без единой оговорки. Хотя, например, Франция, Великобритания, Германия, будучи членами Евросоюза, внесли немало оговорок, чтобы обеспечить национальные интересы своего образования. Более того, не все университеты Западной Европы вошли в Болонскую систему. Для нас же остро стоит вопрос: ориентироваться на национальные традиции или же оказаться в плену неких космополитических иллюзий?

– Мне кажется, как и беременной, юристом нельзя быть немножко. Либо ты юрист, либо нет. А бакалавриат не готовит полноценного юриста, насколько я понимаю?

Николай Бондарь: Согласен, двухуровневая система, в которой, как предполагается, около 75% юристов будут готовиться по программам бакалавриата, может привести к утрате признанного статуса юридического образования как элитного, фундаментального. Таким оно всегда воспринималось, к этому всегда стремились в России, начиная с Петровских времен и первых императорских Уставов университетов.

– И что вы предлагаете?

Николай Бондарь: Если говорить в самом общем виде, то, во-первых, отказ от заимствованной двухуровневой системы образования либо существенная ее модернизация. Ведь ее

прообраз у нас был: среднее юридическое (техникумы) и высшее юридическое (вузы). Их реформирование, конечно, необходимо было, но не разрушение же, не отказ от специалитета в угоду магистратуре. О бакалаврах мы уже говорили, а кто такой магистр юриспруденции? В нашем варианте им может стать в течение двух лет (!) бакалавр или специалист с любым образованием (!) — медицинским, техническим и т.д., т.е. готовим магистров юриспруденции без... юридического образования. Условно говоря, вчерашний акушер, позавчерашний ветеринар завтра может стать магистром юриспруденции, не прослушав ни одной лекции по курсу теории права, отраслевых дисциплин конституционного, гражданского права, и т.д. Запомнил возмущение известного профессора одного из ведущих юридических вузов Москвы, как ему приходится читать спецкурс для группы магистрантов, где один юрист, остальные — представители почти десятка самых разных специальностей.

Во-вторых, сокращение юридических вузов, но вряд ли тем путем, который сейчас избран. При всем уважении к общественной аттестации, проводимой Ассоциацией юристов, если будет аттестовано 200 юридических вузов, это не означает, что оставшиеся 1100 прекратят свою деятельность. А кто им выдавал лицензию и обеспечивал государственную аккредитацию? Получается, что государственный путь получения аккредитации они благополучно прошли, а теперь при помощи общественной аттестации мы перекроем им кислород? Это очень сомнительно.

СДАЙ ЭКЗАМЕН — И ТРУДИСЬ

– Тут я не совсем с вами согласен. Общественная аккредитация — это некое послание, месседж обществу о том, что мы, Ассоциация юристов, этим вузам не доверяем. Хотите

выбросить деньги на ветер, можете туда идти, но и на работу вас вряд ли кто-то примет, и мы вас за юристов считать не будем. Правда, здесь отсутствует очень важный элемент — проверка знаний студентов. Выборочный экзамен не проводится. Ассоциация проводит аккредитацию во многом по формальным признакам, и это смущает.

Николай Бондарь: Свой третий пункт я определил бы как не только проверку знаний, а прежде всего — наведение порядка в системе подготовки, в обеспечении этими знаниями. И это не только образовательные стандарты, необходима национальная образовательная концепция, основанная на традициях единства юридической науки, обучения и воспитания. А болонские ориентиры заключаются в том, чтобы по ускоренной программе готовить узких специалистов в конкретной области юридической деятельности (нотариата, правоохранительных, налоговых органов и т.п.). В моем представлении существует три модели подготовки юриста: правоохранительно-криминальная (охранительная), рыночно-цивилистическая и конституционная. Речь о том, чтобы любое направление, профиль имели конституционные ориентиры. Трудно представить грамотного юриста без умения защищать конституционные ценности — и личности, и государства. Конституционная модель юриста должна основываться на конституционализации всей системы образования, на понимании того, что Конституция, кстати, вместе с решениями Конституционного суда является источником всех отраслей права. Именно Конституция является той матрицей, которая определяет ориентиры для толкования и применения правовых норм. А во многих вузах конституционное право изучается в течение одного семестра. И все. Больше скажу, бакалавры теперь могут изучать конституционное право как бы «денационализированное»: и отечественное, и зарубежное в одном курсе.

– В среде юристов давно витает идея о едином квалификационном экзамене, сдав который, человек получает право идти работать нотариусом, судьей, прокурором либо госслужащим, начиная с определенного уровня. Подобные экзамены существуют в США и многих странах Европы. Как вы относитесь к введению жесткого профессионального экзамена в России?

Николай Бондарь: Для меня тема заключительного этапа проверки знаний вторична по отношению к самому процессу обучения. Если не навести порядок в системе обучения, может сложиться ситуация, когда и проверять будет нечего — король-то окажется голый.

Но, конечно, должны быть проверочные фильтры. Даже при существующей системе государственные экзамены не должны быть экзаменами перед преподавателями, которые выставляли ни за что пятерки или четверки в течение пяти или четырех лет обучения.

– К сожалению, во многих случаях не «за что», а «почем».

Николай Бондарь: Да, но я вынужден выбирать более мягкие формулировки, учитывая статус судьи. При этом государственной аттестационной комиссии надо вернуть изначально предполагавшееся назначение. И нельзя вводить какие-то экзамены вместо, как альтернативу госэкзамена. А наряду с ним — да, согласен.

– То есть вы предлагаете вначале восстановить реальный госэкзамен, а потом уже говорить о едином квалификационном?

Николай Бондарь: Реальный государственный экзамен должен быть обязательно, но в ином виде, чем сейчас. Напри-

мер, с участием работодателей, что не сложно сделать. Ведь даже на периферии уровень руководителей тех же судебных, правоохранительных органов, юридических служб ведущих предприятий и т.д. позволяет им активно включаться в учебный процесс, участвовать в квалификационных оценках. А вот дальше — то, о чем вы говорите. Я думаю, в том числе с учетом опыта зарубежных стран, вполне можно было бы ввести такой экзамен. Может быть, не единый для абсолютно всех направлений профессиональной юридической деятельности, а с дифференциацией, в частности, для судей, прокуроров и адвокатов — отдельно.

КЛЮЧЕВОЙ ВОПРОС

– Вы много лет проработали в Ростове-на-Дону, потом довольно долго в Москве, сейчас трудитесь в Питере. Сравните юридическую жизнь в Ростове, Питере и Москве. Где вам как юристу-ученому было интереснее, где среда была питательнее и богаче?

Николай Бондарь: Научная жизнь интереснее и богаче в Москве. Здесь, я думаю, двух мнений не может быть. Комфортнее для внутреннего состояния души в Ростове. А, по роду нынешней основной профессиональной деятельности, как судье, — в Питере, рядом с Медным всадником.

Опубликовано в «Российской газете» 7 марта 2013 г., № 6026

THE AUTHOR

Bondar Nikolai Semenovich, Judge at the Constitutional Court of Russia, Doctor in Law, Professor; Honored Worker of Science of Russia, Honored Lawyer of Russia.

N.S. Bondar combines his basic professional occupation of a judge at the Constitutional Court of Russia with educational research activities (he is heading the Department of Municipal Law and Environmental Legislation at Southern Federal University, is Professor of the Department of Public and Administrative Law at St. Petersburg State University). He has written and published more than 300 research and educational-methodic works on the constitutional, municipal, other branches of public law, theory and practice of constitutional law, human rights, legal constitutionalism.

He was awarded the Order of Honor (2011), medal of the 2nd Degree Russian Honoris Causa Order (1999), Certificate of Merit of the President of Russia for his participation in the development of a project of the Russian constitution and his contribution in democracy consolidation (2008), departmental and regional honorary awards.

Научное издание

Бондарь Николай Семенович

РОССИЙСКОЕ
ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ
КАК КОНСТИТУЦИОННАЯ ЦЕННОСТЬ:
национальные традиции
и космополитические иллюзии

Scientific publication

Bondar N.S.

RUSSIAN LEGAL EDUCATION AS A CONSTITUTIONAL VALUE:
NATIONAL TRADITIONS AND COSMOPOLITAN ILLUSIONS

Editor: D.V. Nefedov. Proofreader: P.V. Bagrov. Designer: D.V. Nefedov
Make-up and cover design: Profpress Ltd

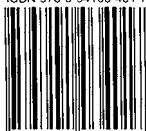
Редактор — Д.В. Нефёдов. Корректор — П.В. Багров.
Верстка и дизайн обложки — ООО «Профпресс»

Издательство «Юрист», 115035, г. Москва,
Космодамианская набережная, д. 26/55, стр. 7, тел.: (495) 953-91-08, 617-18-88.
Сдано в набор 20.12.2013. Подписано в печать 05.02.2014. Формат 64x80/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Гарнитура Minion Pro. Усл. печ. л. 4,5. Тираж 500 экз.

ISBN 978-5-94103-401-7

9 785941 034017